

INSPIRIA

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ПЛОСКИЙ
МИР

ВЕЩИЕ СЕСТРИЧКИ

INSPIRIA

Плоский мир

Терри Пратчетт
Вещие сестрички

«ЭКСМО»

1988

Пратчетт Т.

Вещие сестрички / Т. Пратчетт — «Эксмо», 1988 — (Плоский мир)

ISBN 5-699-16814-1

Чем занимаются ведьмы? Ну, это все знают: собираются на шабаши, вызывают демонов, колдунствуют и портят порядочным людям жизнь. Троица ведьм из маленькой горной страны Ланкр (король которой только что погиб при совершенно не подозрительных обстоятельствах) именно этим и промышляет. Правда, порядочным людям как раз бояться нечего. Но если ваша порядочность под сомнением – превращение в жабу будет для вас наилучшим вариантом. Встречайте мечтательную Маграт Чесногк, угрожающе добродушную нянюшку Ягг и убийственно справедливую матушку Ветровоск, которым предстоит бороться с узурпаторами, путешествовать во времени и вдохновлять великих драматургов. Да начнётся шабаш, и кто не спрятался, они не виноваты!

ISBN 5-699-16814-1

© Пратчетт Т., 1988

© Эксмо, 1988

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	49
-----------------------------------	----

Терри Пратчетт

Вещие сестрички

Ветер свирепел. Молния, словно неискушенный убийца, изгоняла из земли душу градом беспорядочных уколов. Над темными, иссеченными ливнем холмами катались взад-вперед раскаты грома.

Ночь по беспросветности своей соперничала с убранством кошачьей утробы. Наверное, именно такими ночами боги помыкают людьми как хотят, словно те – пешки на шахматной доске судьбы. В разгар этого буйного действа, подобно искорке в зрачке обезумевшего хорька, за слезящейся листвой дрека полыхнуло зарево, уронившее блики на три сидящие на корточках фигуры. Вареву в котле наконец поспело, и послышался чудной писклявый голосок:

– Когда мы вновь увидимся втроем?

Ответ последовал не сразу.

Наконец другой голос, наделенный более привычными уху модуляциями, произнес:

– Вернее всего, что в следующий вторник...

Сквозь непостижимые толщи космоса несет свое бремя вселенская черепаха Великий А'Туин, и бремя это состоит из четырех слонов-исполинов, подпирающих спинами диск Плоского мира. Вокруг диска вращаются скромных размеров солнце и луна, описывая довольно замысловатые орбиты, необходимые для смены времен года. И вряд ли во всей множественной вселенной отыщется другое место, где время от времени слону приходится задиравать свою конечность, дабы не воспрепятствовать предписанному ходу небесных светил.

Сложно сказать, удастся ли когда-либо получить ответ на вопрос, почему все устроено именно так, а не иначе. Вполне возможно, Создателю Вселенной в один прекрасный день наскучили эти бесконечные оси склонения, скорости обращения и альbedo, и Он решил немного себя потешить.

Как-то само собой напрашивается подозрение, что боги миров, подобных этому, за шахматную доску не садятся, и такое суждение в самом деле окажется истинным. Богов, играющих в шахматы, не существует вовсе. Для шахмат у богов плоховато с воображением. Боги проявляют склонности к играм более простым и зловещим: это когда Запредельное Ты Так И Не Обрел, зато Забвение Ждет За Углом. Для верного понимания всех религиозных ухищрений нелишне будет заострить внимание на том, что представления о веселой шутке воплощены у богов в Змеях и Лестницах со скользкими перекладами.

Воедино Плоский мир скрепляет магия – магия, вырабатываемая оборотом мироздания как таковым; магия, которая подобно паутинке появляется из брюшка бытия и залечивает жестокие раны действительности.

И по большей части магия эта оседает в Овцепикских горах, протянувшихся от вечной мерзлоты Пупземелья по всей длине архипелага до самых теплых морей, которым суждено излить свои воды за самый Край.

Сырая магия, устремляясь от одной вершины к другой, дает о себе знать характерным потрескиванием. Именно Овцепики удерживают первенство по части одаривания мира ведьмами и волшебниками. Листочки на овцепикских деревьях шевелятся безотносительно поведения ветра, а скалы славятся пристрастием к вечерним прогулкам.

Что и говорить – земля и та порой оживает...

А еще случаются дни и ночи, когда то же происходит с небесами.

В ту ночь буря бушевала самозабвенно. Она чувствовала, что эта ночь – ее. Не год, не два буря гастролировала по провинциям: не отказываясь от поденной халтуры, по крупницам

стяжала тайны своего ремесла; завязывала контакты; время от времени в роли урагана сбивала с ног зазевавшихся пастушков или пригибала к земле молоденькие дубки. Теперь, когда соотношение сил в погодных верхах немного изменилось, буря пыталась выложиться без остатка, дабы быть замеченной законами климата.

О да, буря работала с огоньком. Вихревая пластика движений в сочетании с неистовым темпераментом. Критики прочили ей блистательное будущее, правда оговаривая, что ей еще предстоит открыть для себя подлинное звучание громового раската.

Тем временем окрестные леса, покрывшись сизой испариной и раскидав листочки, зашлись в буйной овазии.

И уж коли перепадает ночка, подобная этой, то боги, как уже было замечено, играют с судьбами людей и престолами монархов по правилам, во всем отличным от шахматных, предаваясь самому бессовестному мухлежу...

Уже вихляла, пыхтела по ухабистой лесной колее карета, кряхтела всеми сочленениями, стоило колесу перемахнуть через очередной корень, а возница, погоняя лошадь, нещадно орудовал хлыстом, каждый из разящих щелчков которого ложился выверенным контрапунктом на разнузданное грохотание, царящее в небесах.

Экипаж преследовали три всадника, чьи лица закрывали капюшоны.

Да, коли перепадет такая ночка, то твориться в ней будут преимущественно дела недобрые. Понятно, что ночка не будет лишена и кое-каких добрых дел, однако злодеяния все-таки останутся в явном большинстве.

В подобную ночку ведьмам раздолье. Хотя в Овцепикских горах чего-чего, а раздолья всегда хватает, но в эту ночь раздолье было особым. Луна полной грудью подпирала суетливую облачность, а мятущийся воздух шелестел сотнями тайных говорков и был насыщен магией сверх обычного.

Устроившись на прогалине, на холме, вздымающемся над верхушками деревьев, ведьмы вели следующую беседу.

– В четверг я нянчусь с малышом, – заявила ведьма, обходившаяся без традиционного головного убора, зато одаренная такими густыми светлыми кудрями, что те вполне могли заменить ей боевой шлем. – С Джейсона сыночком, младшим... Зато в пятницу я свободна. Давай не затягивай с чайком, золотко. У меня в горле все пересохло...

Младшая участница посиделок, издав короткий вздох, зачерпнула в заварочный чайник кипяток из котла.

Третья же ведьма в благодушном порыве потрепала девушку по плечу:

– Ты все правильно делаешь. Чуть-чуть поработаешь над визгами, и полный порядок. Согласна со мной, нянюшка Ягг?

– Визг никогда не помешает, – поспешно откликнулась нянюшка Ягг. – Да, кстати, тетушка Вемпер, земля ей будет пухом, отличному прищурю тебя научила.

– Да, прищур у нее на уровне, – подтвердила матушка Ветровоск.

Младшая из ведьм, которую звали Маграт Чесногк, заметно воспрянула духом. Перед матушкой она неизменно пасовала. Обитатели Овцепиков прекрасно знали, что матушка относится к окружающему миру без особого восторга, и уж коль скоро, по ее личному мнению, прищур оказался на уровне, значит, если Маграт еще немножко потренируется, то вскоре юная ведьмочка без труда сможет заглянуть в собственную ноздрю.

В отличие от волшебников, обожающих свою прихотливую иерархию, ведьмы редко делают из карьеры самоцель. Каждая из них самостоятельно принимает решение, брать ли ей ученицу, которой после кончины передаст все полномочия. Вообще, склонность к кучкованию, особенно с другими ведьмами, у этих особ выражена очень слабо, и тем паче отказываются они терпеть над собой какое-либо верховенство.

Матушка Ветровоск была исключением из правил. Ее слово уважали.

Пока Маграт заваривала чай, руки девушки чуть подрагивали. Разумеется, все это лестно, однако до чего ж хлопотно вступать в трудовую жизнь, да еще в качестве деревенской ведьмы, когда с одного краю граничишь с самой матушкой, а со стороны леса – с нянюшкой Ягг! Идея устроить небольшой соседский шабаш принадлежала именно Маграт. Шабаш должен был внести в их отношения немножко – как бы это сказать? – оккультности. Маграт была искренне поражена, когда соседки приняли предложение или, точнее говоря, не отмахнулись от него.

– Шабашить?! – переспросила тогда нянюшка Ягг. – Ты приглашаешь нас пошабашить, милочка? Но у нас есть нормальная работа, зачем...

– Она приглашает нас на шабаш, Гита, – объяснила матушка. – Не деньги зарабатывать. Ты что, совсем все позабыла? Так раньше сходка называлась...

– А, значит, вечеринка?! – с надеждой переспросила нянюшка.

– Только без плясок, – предупредила матушка. – Начнете выплясывать – сразу по домам разойдемся. И чтобы песни не горланить! Вообще, смотрите не перевозбуждайтесь, обойдемся без притираний и прочих гадостей.

– От свежего воздуха-то – одна только польза! – с восторгом сказала нянюшка.

Маграт, как ни была разочарована запретом на ритуальные танцы, все же поздравила себя с тем, что вовремя прикусила язык и не выдала на-гора парочку других предложений, которые пришли ей на ум. Она пошарила в захваченной из дому котомке. То был первый в ее жизни шабаш, и она была преисполнена решимости не отступить от норм приличия.

– Лепешку кто-нибудь желает?

Матушка, прежде чем надкусить угощение, подвергла его строжайшему осмотру. На лепешках Маграт изобразила летучую мышь, глазки которой обозначались ягодками черноплодной рябины.

Карета раскроила густую поросль на опушке леса, пару секунд катилась на двух колесах, поскольку ухитрилась врезаться в валун, но затем, дерзко поправ некоторые из очевидных законов механики, выровняла свой ход и возобновила громохание. Впрочем, сейчас экипаж чуть снизил скорость. Начинались первые отроги.

Возница, приподнявшийся на цыпочки подобно наезднику на колеснице, смахнул со лба прядь волос и всмотрелся в ожидающие его дали. Места в ущельях Овцепиков – глухие, заповедные. Но все-таки от внимания путника не ускользнул мелькнувший огонек. Как бы там ни было, огонек – примета добрая.

В этот миг в крышу вонзилась первая стрела.

В это же самое время Веренс, король Ланкра, совершал одно важное открытие за другим.

Подобно большинству смертных – по крайней мере, подобно тому большинству, которое заполняет возрастной промежуток от нуля до шестидесяти лет, – Веренс не отягощал свой рассудок помыслами о том, что случится с ним по окончании срока жизни. Подобно большинству смертных, он безотчетно полагал, что тем или другим образом все должно устроиться по-человечески.

И подобно большинству смертных, канувших в Лету, Веренс нынче был мертв.

Выражаясь более точно, он валялся у подножия одной из своих лестниц в замке Ланкр, и в спине у него торчал кинжал.

Переменив положение своего тела на сидячее, Веренс поразился тому, что, хотя некто, кого он был склонен отождествлять с самим собой, принимает сидячее положение, нечто, во всем напоминающее его собственное тело, продолжает лежать на полу.

Тело это – наконец-то он получил возможность взглянуть на себя со стороны – смотрелось очень даже недурно, да и вообще Веренс всегда испытывал к нему крепкую привязанность. Однако даже самые крепкие узы когда-нибудь рвутся.

Тело было большим, сильным. Веренс оказывал своему телу надлежащий уход. Он вырастил на нем усы и свободолюбивые вихры. Не забывал нагружать его оздоровительной гимнастикой на свежем воздухе и кормить высшего качества мясом. И вот теперь, когда обладание телом особенно пригодились бы ему, тело его отвергло. Можно сказать, кинуло.

В довершение ко всему королю еще предстояло договориться с долговязым, тощим созданием, которое уже поджидало начала собеседования. Большая часть туловища незнакомца была укрыта плащом с капюшоном, и из складок одеяния, сжимая огромную косу, торчала лишенная плоти костяная длань.

Умерев и увидев перед собой подобного типа, вы инстинктивно сообразите, кто к вам явился.

– ПРИВЕТ.

Веренс поднялся и выпрямился во весь рост, вернее, во все то, что могло бы быть ростом, не лежи та часть его естества, к которой применимо это определение, ничком и в полной неподвижности на полу, внимая будущему, которому присуще лишь одно измерение, а именно – глубина.

– Соболаговли зарубить на носу, перед тобой стоит монарх.

– СТОЯЛ.

– Чего? – рявкнул Веренс.

– ПОВТОРЯЮ: СТОЯЛ. ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ. С НИМ ТЫ СКОРО СВЫКНЕШЬСЯ.

Долговязая фигура постучала белыми, как известь, перстами по косе, как будто в нерешительности.

«Да и мне, клянусь честью, как-то не по себе», – мелькнуло в голове Веренса. Однако многочисленные и недвусмысленные подробности создавшегося положения все же сумели пробить брешь в разухабистом скудоумии, свойственном монарху при жизни, и заронили в его душу жутковатое подозрение: как бы ни называлось королевство, в котором он нынче пребывал, титул монарха Веренс явно утратил.

– Ты, любезный, часом не Смерть ли будешь?! – выпалил он.

– У МЕНЯ МНОГО ИМЕН.

– И каким же ты пользуешься нынче? – спросил Веренс, вкладывая в слова уже чуточку больше почтения.

Тем временем вокруг них засуетились снующие в разных направлениях люди; некоторые, как вскоре выяснилось, сновали прямо сквозь короля и его собеседника.

– Стало быть, это Флем... – произвольно процедил король, замечая дворянина, с выражением злонравного восторга на лице маячившего на верхней площадке лестницы. – А ведь отец предупреждал меня ни под каким предлогом не подпускать его к себе. Любопытно, почему я не чувствую гнева?

– ГЛАНДЫ, – коротко бросил его собеседник. – АДРЕНАЛИН. ПРОЧИЕ ГОРМОНЫ. ЭМОЦИИ. ВСЕГО ЭТОГО ТЫ ЛИШЕН. ОСТАЛАСЬ ЛИШЬ ЧИСТАЯ МЫСЛЬ...

Долговязое создание, кажется, пришло к какому-то решению:

– ЭТО НЕ ЛЕЗЕТ НИ В КАКИЕ РАМКИ. ХОТЯ, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, КТО Я ТАКОЙ, ЧТОБЫ СПОРИТЬ?

– Вот именно.

– НЕ ПОНЯЛ.

– Я сказал: «Вот именно».

– ЗАТКНИСЬ, А?

Смерть (именно мужского рода, не женского, Плоский мир – правильный мир) склонил череп набок, как бы прислушиваясь к ходу собственных мыслей. Теперь, когда полы его плаща распахнулись, король увидел, что Смерть ничем не отличается от обычного начищенного скелета – не считая одного существенного обстоятельства. Глазницы Смерти горели небесно-голубым светом. Но даже это открытие не ужаснуло Веренса. Во-первых, не так-то легко ужасаться, когда твои органы, отвечающие за восприятие ужасного, покоятся в сморщенном виде в некотором отдалении от объекта наведения ужаса. А во-вторых, король, который ни разу в жизни не изведal ужаса, вовсе не стремился познакомиться с ним по окончании своего существования. Отчасти это объяснялось полным отсутствием воображения, однако верно и то, что сей монарх был ярким представителем той особой породы смертных, чья укорененность в настоящем воистину непоколебима.

Большинство же смертных такой укорененности лишены. Их жизни можно уподобить кляксам, растекающимся вокруг точек, где в данный миг находятся их тела, – такие смертные либо предвосхищают будущее, либо стараются вернуться в прошлое. Их поглощенность тем, что может свершиться, такова, что способность распознавать свершающееся они проявляют лишь тогда, когда обращаются к нему в качестве уже свершившегося. Все это слегка запутано, но такой тип людей распространен наиболее широко. Они боятся потому, что подсознательно знают, что их ждет. И чаще всего их ожидания сбываются.

Тогда как Веренс вел свое существование только в настоящем времени. Во всяком случае, до недавних пор.

Смерть вздохнул.

– ТЕБЕ, ПОХОЖЕ, ТАК НИКТО НИЧЕГО И НЕ РАСТОЛКОВАЛ, – наконец обронил он.

– Виноват?

– ЧТО, НИ МУЧИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЧУВСТВИЙ НЕ БЫЛО? НИ ЖУТКИХ СНОВИДЕНИЙ? ТЫ, СЛУЧАЕМ, НЕ ВСТРЕЧАЛ НА УЛИЦАХ СТАРЫХ, ВЫЖИВШИХ ИЗ УМА ГАДАЛОК, КОТОРЫЕ КРИЧАЛИ БЫ ТЕБЕ ВСЛЕД ВСЯКИЕ МЕРЗКИЕ ПРОРИЦАНИЯ?

– Насчет чего? Насчет того, что я умру?

– ВИДНО, НЕ БЫЛО НИЧЕГО. ЗРЯ Я НАДЕЯЛСЯ! – горестно посетовал Смерть. – ОПЯТЬ ВСЕ НА МЕНЯ ВЗВАЛИЛИ.

– О ком это ты? – спросил заинтригованный Веренс.

– О СУДЬБЕ. ОБ УЧАСТИ. О РОКЕ. МАЛО ИХ, ЧТО ЛИ... – Смерть положил костлявую руку монарху на плечо. – ВОТ ЧТО. БОЮСЬ, ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ СТАТЬ ПРИЗРАКОМ.

– Ну и ну, – пробормотал король, осматривая... собственную плоть. Одно непродолжительное мгновение она казалась ему вполне материальной, а в следующий миг сквозь него прошмыгнул кто-то из слуг.

– НАДЕЮСЬ, ТЫ НЕ БУДЕШЬ ИЗВОДИТЬ СЕБЯ ИЗ-ЗА ТАКИХ ПУСТЯКОВ.

Веренс наблюдал, как с надлежащими почестями утаскивают из залы его начинающее коченеть тело.

– Постараюсь, – буркнул король.

– ВОТ И МОЛОДЕЦ.

– Только я не уверен, что морально готов бродить по Диску в белых простынях, да еще и с цепями на шее.

– А ТЕБЕ ЧТО, ТАК ЭТО НАДО? – пожал плечами Смерть.

– Да нет вроде...

– НУ И НЕ БЕРИ ТОГДА В ГОЛОВУ.

Смерть пошарил в укромных пределах своего темного плаща, извлек на свет песочные часы и поднес их к лазурным глазницам:

– ВОТ ТЕПЕРЬ МНЕ И В САМОМ ДЕЛЕ ПОРА ИДТИ.

Закинув косу на плечо, Смерть развернулся и зашагал прочь, прямо сквозь стену залы.
– Э, любезнейший... Обожди! Стой, говорю! – вдруг заорал Веренс, бросаясь вдогонку.

Смерть и не думал оборачиваться. Веренс последовал за ним сквозь толщу стены. Камень напомнил ему туман.

– И это все? – вскричал бывший король. – Сколько ж, по-твоему, я буду теперь в призраках ходить? И почему меня вообще определили в призраки? Неужели ты меня бросишь здесь? – Веренс замер на месте и воздел к небу свой властительный, хотя и малость просвечивающий перст. – Повелеваю тебе остановиться!

Смерть, не переставая хмуриться, лишь повел головой и опустил ногу в следующую стену. Король, стараясь не растерять достоинство, которое всякий монарх сохраняет даже в полупрозрачном состоянии, устремился следом, нагнав своего собеседника только у одного из зубчатых бастионов. Смерть уже затягивал подпругу под крупом огромного белого скакуна.

– Ты что, действительно бросаешь меня? Как ты можешь? – неверяще пробормотал Веренс.

Смерть наконец удостоил его внимания:

– ВОТ ТАК И МОГУ. ТЫ ТЕПЕРЬ СТАЛ СВОЕГО РОДА БЕССМЕРТНЫМ. ПРИЗРАКИ И ПРИВИДЕНИЯ НАСЕЛЯЮТ МИР МЕЖДУ ЦАРСТВАМИ ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ, НО ЭТО УЖЕ НЕ МОЯ ЕПАРХИЯ. – Он дружески потрепал короля по плечу: – ЛАДНО УЖ, НЕ ГОРЮЙ. НЕ НАВЕЧНО ЭТО, НЕ НАВСЕГДА.

– Радостно слышать.

– ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ, ЧТО ЭТО – НАВСЕГДА.

– И когда же я освобожусь?

– ПОЛАГАЮ, КОГДА ВЫПОЛНИШЬ СВОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ.

– А кто-нибудь укажет мне, в чем именно состоит мое предназначение? – едва не заламывая руки, спросил король.

– МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, НО ЗДЕСЬ Я ТЕБЕ НЕ ПОМОЩНИК.

– Но как я это выясню?

– НАСКОЛЬКО Я ЗНАЮ, О ТАКИХ ВЕЩАХ РАНО ИЛИ ПОЗДНО САМ ДОГАДЫВАЕШЬСЯ, – буркнул Смерть и одним прыжком взгромоздился на лошадь.

– А до тех пор я вынужден обретаться в этом ужасном месте. – Король обвел хмурым взглядом открытые всем ветрам бастионы. – И разумеется, в одиночку... Неужели никто и никогда меня больше не увидит?

– ОТЧЕГО Ж... ТЕБЯ СМОГУТ ВИДЕТЬ БЛИЗКИЕ РОДСТВЕННИКИ, ПОДДАННЫЕ, СКЛОННЫЕ К ДУХОВИДЕНИЮ. НУ И, САМО СОБОЙ, КОШКИ.

– Терпеть не могу этих тварей.

Лик Смерти, если такое только возможно, вытянулся и посуровел. Лазурное марево в глазницах внезапно зардело злобными всполохами.

– ВОТ ОНО ЧТО... – Тон, каким была отпущена эта реплика, наводил на мысль, что тот, кто проявляет нетерпимость к кошкам, тем более не достоин Смерти. – ТЫ, ЗНАЧИТ, ПИТАЕШЬ СЛАБОСТЬ К ОГРОМНЫМ, ЗУБАСТЫМ ПСАМ...

– По правде говоря, да.

Король понуро воззрился на вспыхнувший край горизонта. Псы. Как же их будет ему не хватать! А ведь, похоже, занимается изумительный для псовой охоты денек!

Тут он задумался, могут ли привидения охотиться. Скорее всего, не могут, решил он спустя непродолжительное время. Равно как и ублажать свой желудок, смаковать прекрасные вина... Веселенькая его ожидает жизнь! А ведь он был завсегдаем шумных, беспутных застолий – за одну ночь мог принять на грудь¹ баснословное количество кубков с хорошим элем.

¹ «Принять на грудь» и «выпить» – синонимы. Разница лишь в количестве спиртного, разминувшегося с целью.

Или же с элем никудышным. Правда, отличать один от другого он никогда не умел – разве что на следующее утро.

В отчаянии король пнул ногой камень – и, к вящей своей удрученности, убедился, что ступня прошла сквозь гранит, не встретив сопротивления. Итак, ни тебе охоты, ни возлияний, ни пирушек, ни карнавалов... Жуткий вывод пришел на ум покойному. Число радостей плоти, не сопряженных с плотью как таковой, было пугающе невелико. Внезапно королю расхотелось жить. То, что на самом деле он и так уже мертв, несколько его не вдохновляло.

– А НЕКОТОРЫМ НРАВИТСЯ БЫТЬ ПРИЗРАКАМИ, – заявил Смерть.

– Чего? – безрадостно переспросил король.

– НЕ ТАК УЖ ЭТО СКУЧНО, КАК ТЫ ДУМАЕШЬ. ПРИЗРАКИ МОГУТ НАБЛЮДАТЬ ЗА ДЕЛАМИ СВОИХ ПОТОМКОВ... ВИНОВАТ, Я ЧТО-ТО НЕ ТО СКАЗАЛ?

Однако Веренс уже бесследно исчез в стене.

– ТЫ МЕНЯ УЖ НЕ РУГАЙ... – сварливо пробубнил Смерть.

Взглядом, что не увязнет ни во времени, ни в пространстве, окинул Смерть бескрайние дали, увидав страшный оползень в Клатче, уловив рев урагана в Очудноземье, учуяв чуму в Гергене.

– ЗА РАБОТУ, ЗА РАБОТУ, – буркнул он и прищипорил лошадь, тут же взмывшую в небесную высь.

А меж тем Веренс, не признавая дверей, мчался сквозь собственный замок. Ступни его ног едва касались пола, а иногда и вовсе не касались.

Будучи королем, Веренс привык относиться к прислуге, словно ее не существует вовсе. Так что в этом вопросе ничего не изменилось – став призраком, Веренс все так же не замечал слуг. Правда, те теперь не отступали в сторону, поэтому приходилось идти прямо сквозь них.

Дверь в детскую была выломана. Веренс вбежал внутрь. По полу были раскиданы мятые простыни.

Тут же он услышал частую дробь конских копыт. Бросившись к окну, король увидел собственную лошадь, запряженную в карету. Лошадь, отчаянно стуча копытами, вынеслась из двора замка. По пятам за ней скакали трое верховых. Прерывистое эхо прокатилось по брусчатке мостовой. Потом все стихло.

Король что было сил бухнул рукой по подоконнику, утопив кулак в плите по самое запястье.

Следующим действием Веренса стал прыжок из окна. На расстояние, отделяющее его от земли, ему уже было начхать. Опустившись во дворе, король полULEТОМ-полубЕГОМ направился к дверям конюшни.

Спустя секунд двадцать было сделано очередное открытие. В скорбный список занятий, несовместимых со статусом призрака, следовало внести и верховую езду. Монарх, правда, исхитрился сесть в седло или, скажем так, сумел зависнуть враскорячку над землей, однако стоило животному, до смерти напуганному непонятным шебуршанием за ушами, во весь опор сорваться с места, как Веренс осознал, что сидит верхом на пяти футах прозрачного воздуха.

Тогда он решил пуститься в погоню на своих двоих, но, добежав до открытых ворот замка, столкнулся с воздушной решеткой, по густоте и вязкости не уступающей дегтю.

– Все это пустое, – услышал он за спиной печальный старческий голос. – Придется тебе обитать там, где тебя прикончили. Такова жизнь призрака. Уж поверь мне, я-то знаю...

Вторая лепешка, одолев половину расстояния до рта матушки Ветровоск, застыла в воздухе.

– К нам кто-то едет в гости, – промолвила матушка.

– Это ты определила по покалыванию в пальцах? – с чистосердечным любопытством воскликнула Маграт, которая черпала сведения о ведовстве по большей части из книг.

– Нет, по колебанию мембран ушей, – отозвалась матушка Ветровоск, покосившись в сторону нянюшки Ягг.

Тетушка Вемпер была в своем роде выдающейся ведьмой, однако вечно витала в небесах. Цветы, романтика и прочее в том же духе.

Теплый летний ливень начинал воздух клубящимися сизыми призраками, и потому яростный оскал молнии лишь слегка осветил вересковую поросль, спускающуюся по склону до самого леса.

– Неужто стук копыт? – сказала нянюшка Ягг. – Кому ж взбредет в голову заявиться в наши места такой ночью?

Маграт боязливо скользнула взглядом по склону. Овцепики там и сям были утыканы исполинскими обелисками, след происхождения которых терялся в дымке столетий. Рассказывали, однако, что гигантские камни ведут вполне самостоятельную, подвижную и деятельную жизнь. Маграт невольно вздрогнула.

– А кого здесь бояться? – переведя дух, поинтересовалась она.

– Нас, – надменно молвила матушка.

Стук копыт стал ближе, отрывистее. Карета с грохотом принялась молотить ветки дрока, пока совсем не застряла. Возница соскочил с передка, обежал экипаж, вытащил из кареты объемистый сверток и сломя голову ринулся к тому месту, где заседала троица ведьм.

Посреди проплешины из сырого торфа он внезапно замер, устремив на матушку Ветровоск взгляд, исполненный ледяного ужаса.

– Не бойся, – шепнула она, и шепот этот в рокоте бури прозвучал ясно и звонко, как зов колокольчика.

Она сделала пару шагов навстречу незваному гостю, и поспевший вовремя разряд молнии позволил ей заглянуть в глаза пришельца. Взгляд этих глаз был сфокусирован тем особым способом, который немедленно подскажет любому из Тех, Кто В Курсе, что носитель этого взгляда уже никогда и ничего не сможет разглядеть.

Последним судорожным усилием сунув сверток в руки матушки, пришелец рухнул под ноги ведьмы, явив взору оперение всаженной глубоко в спину арбалетной стрелы.

К костру тем временем шагнули еще три тени; другой паре глаз было суждено встретить взгляд матушки. И глаза эти были подернуты льдом, обжигающим, как склоны преисподней.

Их обладатель отшвырнул в сторону арбалет и обнажил меч. Из-под сбившегося, пропитанного влагой плаща показалась чешуя кольчуги.

Он не стал выписывать клинком восьмерки. Вновь прибывший не был падок до эффектов. Глаза выдавали в нем воина, хорошенько усвоившего, для какой надобности приспособлены клинки.

– Тебе придется отдать мне то, что ты держишь сейчас в руках.

Матушка отвернула краешек одеяла. Под ним оказалось сморщенное, посапывающее личико.

Матушка снова взглянула в глаза незнакомца.

– Ни за что, – из принципа ответила ведьма.

Воин покосился на застывших Маграт и нянюшку Ягг, которые в данный момент ничем не отличались от обелисков в вересковой поросли.

– Никак ведьмы?! – осведомился воин.

Матушка кивнула. В тот же миг небосвод пронзила молния, и всего в сотне ярдов от места событий ярким пламенем вспыхнул куст. Двое солдат, держащихся на некотором отдалении от командира, встревоженно зашептались, но тот вскинул закованную в сталь руку.

– А правду говорят, что ведьму клинок не разит? – спросил воин.

– Первый раз слышу, – невозмутимо промолвила матушка. – Надо попробовать, и все выяснится.

Один из солдат сделал шаг вперед и с опаской потрогал патрона за рукав:

– Сударь, покорнейше умоляем, одумайтесь, не ввязывайтесь...

– Попридержи язык.

– Вы навлечете на всех нас страшную участь...

– Ты что, оглох?

– О сударь... – заскулил солдат.

Его взор, на мгновение встретившись с ведьминым, тут же пропитался безграничным ужасом.

Командир же, не отрывая взгляда от окаменевшего лица матушки, широко ухмыльнулся:

– Можешь дурить голову крестьянам, мать ночи. Если я тебя своим клинком привечу, ты последнего «прости» сказать не успеешь.

– А ты попробуй, – напутствовала ведьма, косясь за плечо воина. – Поступай, как подсказывает тебе твое сердце.

Тот поднял меч. В этот миг молния вновь распорола тьму и поразила ближайшую каменную глыбу, которая тут же развалилась на две половинки, испустив удушливую вонь жженого кремния.

– Недолет, – констатировал воин.

Мускулы на его руке напряглись. Матушка поняла, что он вот-вот пустит клинок в дело.

Но в следующую секунду гримаса крайнего изумления исказила его лицо. Он отбросил голову назад и приоткрыл рот, словно удивляясь какому-то неожиданному открытию. Меч выпал из руки и ткнулся лезвием в торф. Воин испустил короткий вздох, сложился пополам и рухнул у ног своей победительницы.

Та, в свою очередь, пару раз беззлобно пихнула его башмаком в спину.

– Ты так ничего и не понял, – пробормотала она. – Нашел мать ночи!

Солдат, пытавшийся давеча урезонить начальника, отпрянул, с диким ужасом глядя на окровавленный кинжал, что сжимала его рука.

– Я... я... не м-мог д-д-допустить... Он н-не имел... П-потому что это т-так все нехорошо...

– Ты из местных будешь, молодой человек? – спросила матушка Ветровоск.

Он рухнул перед ней на колени.

– Чумной Волчара, госпожа, – сокрушенно представился он. Потом его взгляд упал на лежащего рядом патрона, и солдат испустил горестный вопль: – Меня ж теперь прикончат...

– Ты поступил так, следуя своей совести, – напомнила ему матушка.

– Не для того я принимал присягу. Не для того, чтобы становиться убийцей...

– Вот и я о том же. Знаешь, я бы на твоём месте подалась в моряки, – задумчиво посоветовала матушка. – Плавала бы себе по морям. И, решив, на завтра ничего не откладывала бы. Беги, чтобы ветер в ушах свистел. Попадешь в море, там твой след ни один пес не возьмет. Обещаю тебе, будешь ты жить долго и... – Тут она вновь задумалась, но спустя секунду продолжила: – Уж всяко дольше, чем если здесь останешься.

Солдат поднялся с колен, послал матушке взгляд, в котором было поровну благодарности и щемящего ужаса, и канул в омут ночи.

– Может, растолкуешь, что здесь происходит? – обратилась матушка к третьему участнику погони.

Вернее, к тому месту, на котором он переминался еще с минуту назад.

По торфяному грунту прошлепали, удаляясь, копыта.

Нянюшка Ягг подалась вперед.

– Догнать, что ли? – спросила она. – Как думаешь?

Матушка покачала головой. Присев на выступ скалы, она еще раз посмотрела на спящее личико. Под простынями и одеялами оказалось совершенно голое тельце. Малышу было не

больше двух годиков. Ведьма, устремив рассеянный взгляд в неизвестность, принялась баюкать дитя.

Нянюшка Ягг осматривала тела мертвецов с той деловитостью, которая позволяла предположить, что и последующие стадии работы с трупами не будут для нянюшки в диковинку.

– Может, они разбойники? – пролепетала Маграт, не в силах унять дрожь в голосе.

Нянюшка Ягг фыркнула:

– Галиматья какая-то получается. У них одни и те же нашивки. Два медведя на черном с золотом щите. Не знаете, чья это эмблема?

– Это герб Веренса, – сообщила Маграт.

– Кого-кого? – переспросила матушка Ветровоск.

– Одного человека, который правит этой страной, – пояснила Маграт.

– А, ты короля имеешь в виду, – догадалась матушка, смутно припоминая, что этой страной еще кто-то правит.

– Солдаты рвут глотки друг другу. Ничего не понимаю, – сказала нянюшка Ягг. – Маграт, иди-ка осмотри карету.

Юная ведьма забралась внутрь экипажа, порылась там и вернулась к товаркам с завязанным тесьмой мешочком. Она распустила узелки, и из мешка на торф вывалился какой-то предмет.

Буря ушла бесноваться на противоположный склон горы, и на отсыревшую вересковую пустошь отбрасывала кисельного отлива блики водянистая луна. Она же окружила мерцающим ореолом предмет, оказавшийся, вне всякого сомнения, короной, причем явно августейшей принадлежности.

– Корона! – объявила Маграт. – Видите, она вся в таких остроконечных штучках.

– О боги, – пробормотала матушка.

Тем временем спящее дитя сладко чмокало. Матушка, крайне не одобряющая тех, кто бросает нескромные взгляды на лик будущего, почувствовала, что будущее само обратило к ней свою физиономию и разглядывает ее в упор.

Выражение этой физиономии матушку отнюдь не вдохновляло.

А король Веренс тем временем всматривался в лик прошлого и выносил из этого опыта схожие ощущения.

– Ты меня видишь? – спросил он.

– Вполне отчетливо, – кивнул незнакомец.

На челе монарха сгущалась тень. Ведение призрачного образа жизни, похоже, требовало гораздо большего количества мыслительной энергии, нежели существование в облике смертного. На протяжении сорока лет в человеческом обличье Веренс вполне довольствовался одной-двумя мыслями в день, тогда как нынче ему не было ни минуты покоя.

– А, так ты же сам привидение! – воскликнул он наконец.

– Ты очень наблюдателен.

– Я сразу догадался, как только увидел, что ты держишь голову под мышкой, – пояснил Веренс, донельзя довольный собой.

– Может, тебя это раздражает? Только скажи. Мне совсем нетрудно поставить ее на место. Счастлив познакомиться, – поклонилось старое привидение. Протянув свободную руку, оно отрекомендовалось: – Кампот, король Ланкрский.

– Веренс. Аналогично. – Король взгляделся в лицо своего дальнего предка. – Что-то не припомню твоего портрета в нашей Длинной галерее.

– Ну, знаешь, портрет... – пренебрежительно отмахнулся Кампот. – Галерея появилась уже после меня.

– Тогда сколько же лет ты здесь бродишь?

Опустив руку, Кампот потер кончик собственного носа.

– Тысячу или около того, – поведал он с горделивой ноткой. – Считаю и человеческий срок, и привиденческий.

– Тысячу лет?!

– Этот замок возвели еще при мне. Я его потом долго перестраивал, перекрашивал, как вдруг однажды ночью мой племянник взял и отрезал мне спящему голову. Ты себе представить не можешь, как я тогда расстроился.

– Но послушай, тысячу лет... – еле шевеля губами, выдохнул Веренс.

Кампот ласково взял его под локоток.

– Все не так скверно, как ты себе воображаешь, – доверительно поведал он, поддерживая ослабевшего Веренса во время неспешной прогулки по двору. – И во многих отношениях призрак чувствует себя счастливее человека.

– В каких таких отношениях, черт подери? – рывкнул Веренс. – Мне нравилось быть человеком.

Кампот тепло улыбнулся.

– Ничего, скоро привыкнешь, – заверил он.

– Да не хочу я привыкать, – огрызнулся Веренс.

– Слушай, ты обладаешь очень сильным морфогенетическим полем, – сказал Кампот. – Уж поверь, я в таких вещах толк знаю. Да, бесспорно. Я бы даже сказал – исключительно сильным.

– Что еще за поле?

– Знаешь, я так и не научился правильно выражать мысли. Всегда предпочитал объясняться другими способами. Дело сводится к следующему – насколько ты был жив. В тот период, когда был жив. Кажется, это называется... – Кампот чуть помешкал, – «животная выживаемость». Да-да, именно так. Животная выживаемость. Чем щедрее ты был ею наделен, будучи еще человеком, тем в большей степени остаешься самим собой, если обращаешься в призрак. А мне сдается, у тебя при жизни был стопроцентный коэффициент.

Слова эти, вопреки ожиданиям, Веренсу польстили.

– Сколько помню, я всегда посвящал себя какому-то делу, – заметил он, когда они с собеседником, пройдя сквозь несколько стен, оказались в безлюдной Большой зале. Однако вид сдвинутых столов мигом запустил соответствующие процессы в организме покойного монарха.

– А когда у нас намечается завтрак? – спросил он.

Голова Кампота ошарашенно воззрилась на него:

– Никогда. Привидения не завтракают...

– Вот это да! Но я ведь голоден.

– Вовсе нет. Это игра твоего воображения.

В кухне тем временем гроыхала посуда. Повара приступили к делу и, за неимением особых распоряжений, готовили блюда, веками подававшиеся в замке к завтраку. Из темных коридоров, ведущих на кухню, доносились милые сердцу запахи.

Веренс вдруг сладострастно засопел.

– Сосиски, – томно выговорил он. – Яичница... с беконом! Копченая... рыба... – Он вперил исступленный взор в Кампота и просипел: – Кровяная колбаса!

– Да ведь ты начисто лишен пищеварительного тракта, – веско напомнил второй призрак. – Это все фантазии. Сила привычки, так сказать. Ты просто кажешься себе голодным.

– Я готов сожрать все.

– Пусть так, но только коснуться ты ничего не можешь, – мягко объяснил Кампот.

Как можно осторожнее, дабы не провалиться, Веренс опустил на лавку и обхватил голову руками. Он еще при жизни слышал, что смерть – штука паскудная. Ему пришлось умереть, чтобы оценить все ее паскудство.

И король возжаждал мести. Ему захотелось вырваться за ворота этого замка, ставшего вдруг похожим на удушливый кошмар, захотелось выяснить местонахождение своего сына. Но больше всего в данную минуту ему хотелось, чтобы перед ним оказалась тарелка с горкой копченой селедки.

Серый утренний свет, окатив морозящий пейзаж, захлестнул зубчатые бастионы Ланкрского замка, хлынул в сторожевую башню и наконец сквозь щели в ставнях проник в верхние покои.

Герцог Флем угрюмо воззрился на роняющий влагу лес. Произрастают себе, видите ли! Хотя, если разобраться, против деревьев как таковых он ничего не имеет. Но когда их так много, это действует угнетающе. Он все никак не мог собраться пересчитать их.

– Ну конечно, радость моя.

Люди, с которыми ему доводилось встречаться, мысленно относили герцога к некой специфической разновидности ящерицы, обитательницы вулканического острова, которая в течение суток способна воздерживаться от любых телодвижений, до сих пор сохраняет рудиментарный третий глаз, а двумя другими моргает только один раз в месяц. Сам герцог считал себя человеком созерцательного склада, уютно чувствующим себя в толково устроенном климате – когда в воздухе сухо и солнышко припекает.

С другой же стороны, размышлял герцог, быть деревом все-таки чертовски приятно. Во-первых, у деревьев вроде бы не бывает ушей. А во-вторых, они, кажется, научились обходиться без уз брака. Дуб-самец – надо бы не поленился и порыться в справочниках, проверить термин, – так вот, дуб-самец просто вытряхивает из себя пыльцу, которую подхватывает ветерок, и вся эта тягомотина с желудями – или на дубах растут яблоки? – самца уже никак не касается...

– Да, сокровище мое.

Знать, не дураки. Ловко устроились! Герцог Флем бросил недобрый взгляд на бревенчатую кровлю. Бессердечные, черствые твари...

– О чем речь, дорогая...

– Как-как? – переспросила герцогиня.

Герцог чуть помедлил, с бешеной скоростью прокручивая в голове монолог, звучавший на протяжении последних пяти минут. Он-де человек только наполовину... что-то в этом духе... слабый... так, что ли? Да, еще она жаловалась на то, что в замке вечно холодно. Ага, значит, на этом и закончим. Хватит этим тунеядцам ветками без дела размахивать.

– Я обязательно прикажу срубить сегодня несколько штук и скажу, чтобы немедленно отнесли в покои, – пообещал герцог.

На одно короткое мгновение у леди Флем перехватило дыхание – событие, выходящее за рамки обыденного. То была крупная дама, с впечатляющими формами, наводящими на мысли о галеоне, под всеми парусами бороздящем просторы океана. Представление это усугублялось ее непоколебимой уверенностью в том, что красный бархат должен ее молодить. Так или иначе, цвет лица высокородной дамы эта деталь туалета не просто подчеркивала – она ему соответствовала.

Герцог размышлял над благорасположением судьбы, уготовившей эту женщину ему в жены. Не нуждайся она в орудии для воплощения непомерных чаяний, он бы так и закончил свой век заурядным правителем, средним и по знатности, и по достатку. Он проводил бы годы напролет в охоте, пирушках и регулярном применении своего *droit de seigneur*². Но судьба распорядилась по-своему. Ему осталось преодолеть всего одну ступеньку, чтобы взойти на трон.

² Причем вне зависимости от того, как на самом деле это понятие расшифровывалось (хотя для читателя поясним, что это есть право первой брачной ночи у феодала с любой невестой, имеющей несчастье объявиться в его владениях). За всю жизнь герцог так и не встретил человека, который удосужился бы объяснить ему, что это такое. Однако Флему вполне хватало того, что речь шла явно о чем-то неотъемлемом от статуса феодала. Кроме того, он знал наверняка, что штука эта нуждается

Вот только править он будет одними деревьями. Судя по виду из окна.

Герцог вздохнул.

– Это какие штуки ты рубить собрался? – ледяным голосом пропела герцогиня Флем.

– Как какие? Ну, эти самые, деревья... – ответил он.

– И как же это связано с вопросом? – осведомилась герцогиня.

– Э-э... Разве ты не видишь, сколько их расплодилось? – с чувством выпалил герцог.

– Не увиливай! – прикрикнула госпожа Флем.

– Ну прости, прости меня, моя ласточка...

– Повторяю, я не могу взять в толк, как ты ухитрился упустить их? А я тебя предупреждала насчет того слуги, слишком уж верен он был. Таким людишкам никогда нельзя доверять.

– Ты права, любовь моя.

– И тебе, разумеется, даже в голову не пришло, что следует послать погоню?

– Я послал Бенцена, прелесть моя. И дал ему в придачу пару стражников.

– Ах вот как...

Герцогиня помедлила. Бенцен, будучи старшиной герцогской стражи, по части искусства умерщвления не уступал рыси-психопатке. И, будь выбор за ней, герцогиня сама не колеблясь поручила бы эту миссию Бенцену. Лишившись почвы для дальнейших придирок, госпожа Флем было занервничала, но скоро сумела взять себя в руки.

– А ведь нам не пришлось бы гнать в слякоть и непогоду такого ценного человека, если бы ты меня послушал. Так нет ведь...

– Нет чего, моя ненаглядная? – И герцог зевнул. Ночь выдалась волнительная. Сначала откуда ни возьмись налетела совершенно непрошенная буря с грозой, да еще черт-те какая громкая. Потом началась вся эта кутерьма с втыканием ножей...

Выше уже говорилось о том, что в своем дворцовом восхождении герцогу оставалось преодолеть последнюю ступеньку. Ступенька же эта располагалась в самом конце последнего, ведущего в Большую залу лестничного пролета, вниз по которому и скатился ночью прежний король, приземлившись, наперекор всякой вероятности, на лезвие собственного кинжала.

Впрочем, личный врач монарха в своем заключении указал, что кончина его пациента явилась естественным исходом заболевания. Перед подписанием заключения лекарь некоторое время совещался наедине с Бенценом, и тому удалось разъяснить медику, что недуг, приводящий к скатыванию по лестнице с кинжалом в спине, является следствием чересчур длинного языка.

Эту неизлечимую заразу, несмотря на предостережения, подхватили и несколько туговатых на ухо воинов королевской стражи. И все же эпидемию удалось погасить в зародыше.

Герцога передернуло. В прошедшей ночи было несколько жутких и маловразумительных подробностей.

Он попытался изменить течение мыслей. Все треволнения так или иначе остались позади, и он получил королевство. Невеликое размерами и числом подданных, состоящее в основном из деревьев, – но все же королевство. И корону в придачу.

Которую, правда, еще предстоит найти.

Ланкрский замок был выстроен архитектором, который находился под сильным впечатлением от Горменгаста, однако так и не сумел привлечь в строительство необходимые средства. И все-таки он почти совершил невозможное, вылепив из дешевых башен, фундамента со скидкой, контрфорсов с сезонной распродажи, уцененных амбразур, подержанных горгулий, бастioned по прямым поставкам, доступных погребов и казематов с оптовой базы некое ажурное пирожное, которое тянуло на полноценный замок, если бы можно было поручиться за

в регулярном применении. У него даже имелось подозрение, что тут замешана эдакая огромная псина с длинной шерстью. Такой псиной он давно уже подумывал обзавестись и готовил себя к тому, что в лепешку разобьется, но обязательно найдет ей применение.

надежность его перекрытий или за то, что примененный архитектором тип известки выдержит по крайней мере легкий дождик.

В головокружительной стойке завис этот замок над страшным, глубиной в тысячу футов, ущельем, по ложу которого катил серые ревущие потоки сумрачный Ланкр. Не проходило и минуты, чтобы река не подхватывала канувшие в бездну обломки крепостной стены.

Несмотря на скромные размеры замка, в Ланкре хватало укромных местечек, где можно было надежно спрятать атрибуты королевской власти.

Герцогиня пустилась в брожение по замку, рассчитывая отыскать свежий материал для взбучки. Ее супруг не отрывал угрюмого взора от будущих владений. Начинал накапывать дождик.

Последнее обстоятельство и послужило вводной темой для громоподобных ударов, обрушившихся на замковые ворота, что не замедлило встревожить привратника замка, решившего у разогретой кухонной печи перекинуться в «дуркер» с главным поваром и Шутом.

Привратник издал недовольный звук и нехотя поднялся:

– Гром и молния! Принесла ведь нелегкая...

– Какая такая «нелегкая»? – уточнил Шут.

– Нелегкая судьба, дуралей.

Шут покачал головой.

– А ты что, постоянно взвешиваешь свою судьбу? – подозрительно сощурился он. – Или это какой-то зенский метод?

Привратник заковылял к своей сторожке, а повар, добавив в банк еще один фартинг, оторвал глаза от карт и бросил настороженный взгляд на Шута.

– Что это еще за зенский метод? – буркнул он.

Позвякивая бубенцами, Шут проворно раздвигал свои карты.

– Метод, разработанный в одной из школ известной философской системы Самты, распространенный в Клатче, что по вращению, – тараторил Шут, не отрываясь от карт. – Приверженцы этой школы, проповедующие крайний аскетизм, связывают достижение внутренней цельности и самообладания с углубленной медитацией в сочетании с определенной техникой дыхания. Характерной особенностью зена является практика подсказок, облакаемых в форму бессмысленных с точки зрения формальной логики суждений, что способно существенно расширить, по мнению адептов школы, рамки обыденного восприятия.

– Чего расширить? – переспросил повар.

Свою порцию переживаний на сегодняшний день главный повар уже получил. Все началось с того, что, неся поднос с завтраком в Большую залу, повар никак не мог отделаться от чувства, что кто-то упорно пытается утащить из его рук тарелки. На одном этом можно было бы поставить жирную точку, но нет, этот новоявленный герцог отослал его обратно на кухню, повелев приготовить ему... Повар передернулся. Овсянку! И еще яйцо вкрутую со стружкой навыпуск! Повар был не в том возрасте, чтобы стряпать всякую ерунду – даже шутки ради. Он свято верил в идеалы старинной феодальной традиции, которая не допускала появления на столе ничего такого, что не проходило стадию поджаривания и в чью пасть нельзя было всунуть яблоко.

Шут, с минуту нервно мусоливший карту, наконец собрался с мыслями и ловко вышел из положения.

– Ей-ей, дяденька, – пискнул он, – ты сыплешь вопросами чаще, чем клатчский вернедуб своими желудками.

Повар задышал спокойнее.

– Ладно, чего ждешь... – пробурчал он, еще не до конца избавившись от подозрений. Но Шут, желая поскорее рассеять неприятный осадок от разговора, охотно отдал три следующих кона.

Меж тем привратник открыл задвижное окошко на воротах.

– Кого тут принесла нелегкая? Отвечай, разрази тебя гром! – грозно рявкнул он.

Перед калиткой стоял промокший до нитки солдат, в глазах которого застыл смертельный ужас.

– Почему ты сказал, что меня принесла нелегкая? – запинаясь, выдавил он.

– Если самый умный, так оставайся там, снаружи, и мокни себе, – невозмутимо ответил привратник.

– О нет! Послушай, я должен немедленно увидаться с герцогом! Тут по округе шастают ведьмы!

Привратник хотел было сострить и ответить что-нибудь вроде: «Отчего ж не пошастать, погодка-то самый смак!» или: «Я бы и сам пошастал, подменишь?» – но выражение лица солдата внезапно заставило его осечься. Человека с таким лицом вряд ли возможно посвятить в мир шуток. Ибо перед лицом этим только что предстал совсем другой мир, о существовании которого не пристало ведать душе смертного.

– Ведьмы? – удивился герцог Флем.

– Ах, ведьмы! – вскричала герцогиня.

Из продуваемого сквозняком коридора донеслось бормотание, бесцветное и невнятное, как шипение ветра, но согретое надеждой:

– Ведьмы...

Уж они-то точно могут видеть призраков.

– Это не нашего ума дело, поняли? – втолковывала матушка. – Вмешаемся, потом хлопот не оберемся.

– Зато все так романтично! – зашла от восторга Маграт и громко выдохнула.

– Ухти-тухти, – сочла нужным заметить нянюшка Ягг.

– Какая теперь разница? – сказала Маграт. – Ты ж все равно прикончила этого хама!

– С чего ты взяла? Я только устроила так... чтобы все шло своим чередом. – Матушка Ветровоск сдвинула брови. – Сам начал землю рыть. А когда нет уважения, жизни тоже нет.

– Рэкс-пэкс-фэкс – слыхала, Маграт?

– Тот человек передал его нам, понадеявшись на нашу помощь! – вскричала Маграт. – Он думал, что сообщая мы сумеем выходить малыша! Да ведь это же яснее ясного! Разве ж это не судьба?!

– Вот именно, яснее ясного! – кивнула матушка. – Тут ты сто раз права. Только жизнь так устроена, что ясность твоя – еще далеко не вся правда.

Она взвесила корону на руке. Тяжеленная, но вес ее состоял не только из фунтов и унций.

– Согласна, – не стала спорить Маграт. – Однако не стоит забывать...

– Не стоит забывать, – перебила ее матушка, – что скоро сюда нагрянут люди. Будут прочесывать местность. Причем люди подберутся серьезные, и прочесывать местность они будут умеючи. Знаешь, как это называется? «Снесение строений в общественных нуждах», иначе «Выжженная земля». И во-вторых...

– Как наш малыш? Ути-пути... – прогнусавила нянюшка.

– ...а во-вторых, Гита, мы будем тебе очень признательны, если ты перестанешь кулдыкать как индюшка, – огрызнулась матушка.

«Опять я сорвалась», – сокрушенно подумала она. Нервы, как уже давно заметила матушка, пошаливали у нее всякий раз, когда ее покидала привычная уверенность в себе. Ведьмы сейчас сидели в хижине Маграт, а здешнее убранство действовало на матушку угнетающе, поскольку отражало веру хозяйки в мудрость Природы, прекрасных эльфов, кругооборот

времен года, целительное воздействие цветовой гаммы и еще в целую уйму разных глупостей, которые бывалая ведьма обычно презирует.

– А ты перестань трепаться. Скажи лучше, что с малышом делать, – в свою очередь огрызнулась нянюшка Ягг. – У меня своих – пятнадцать таких.

– Ты не торопись, нужно тщательно все обдумать, – ответила матушка.

Ведьмы умолкли и некоторое время глядели на матушку выжидающе.

– Ну? – не выдержала Маграт.

Матушкины пальцы выбивали дробь по ободку короны. Вид у ведьмы был довольно суровый.

– Значит, так. Малышу здесь не место, – произнесла она, жестом показывая, что намерена закончить мысль. – Нет, нет, Гита, я знаю, у тебя хижина просто загляденье – чистая, ухоженная, но как убежище она не подходит. Малыша нужно отправить из этих краев туда, где про него никто слухом не слыхивал. И надо решить, как поступить с этой штукой, – закончила матушка, перебрасывая корону из одной руки в другую.

– Да ведь это так просто! – вскричала Маграт. – Послушайте, давайте спрячем ее под каким-нибудь валуном... Ну или еще где-то рядом. Что такое корона? Ребенка спрятать гораздо труднее.

– Глупости, – перебила матушка. – Сама подумай, сколько в стране детишек, и все на одно лицо. А вот корон – раз-два и обчелся. И потом, я точно знаю, они умеют делать так, чтобы их отыскивали. Как бы приманивают к себе человеческую душу. Сунешь ее под какой-нибудь камень, и через недельку-другую, помани мое слово, этот камень кому-то очень захочется перевернуть.

– Все так и есть! – горячо поддержала ее нянюшка Ягг. – Сколько раз бывало: уронишь какое-нибудь волшебное кольцо в море, а в дом воротишься, решишь ломтик палтуса себе поджарить, глядь, а вот и оно, целехонькое!

С минуту ведьмы обдумывали услышанное.

– Ни разу не было, – вдруг жестко высказалась матушка Ветровоск. – Да и с тобой отродясь такого не бывало... Но не в этом дело. Рано или поздно ему захочется вернуть корону. Если у него и вправду есть права на нее. А ты, Гита, хочешь обижайся, хочешь нет, иногда такое отмочишь, что...

– Давайте я приготовлю всем чай, – вставая с места, прожурчала Маграт и упорхнула в буфетную.

Оставшись вдвоем по обе стороны от стола, две старые подруги некоторое время сохраняли подчеркнуто учтивое молчание. Первой заговорила нянюшка Ягг:

– Смотри, как миленько она здесь все устроила! Цветочки... А это что такое со стен свисает?

– Пихтограммы, – брезгливо процедила матушка. – Насколько я вижу.

– Скажите пожалуйста... – вежливо протянула нянюшка Ягг. – Гляди-ка, всякие одеяния, волшебные палочки...

– В ногу со временем шагает, – фыркнула матушка. – Когда я была молодой, нам раздавали по головке воска да по паре булавок, и то еще спасибо не забудь сказать. Никто ничего на блюдечке не приносил, сами свою ворожбу в жизнь запускали, сами потом и осваивали.

– Чего там, свои три пуда соли каждый должен съесть, – ответила не менее умудренная опытом нянюшка и пару раз легонько качнула дитя, прерывая его попытку расплакаться.

Матушка снова фыркнула. Трижды за свою жизнь побывав замужем, нянюшка Ягг стояла нынче во главе обширного клана отпрысков и внуков, рассеянных по всему королевству. Правда, заводить семьи и рожать детей ведьмам не воспрещалось. Здесь матушка была вынуждена уступить, хотя сама считала иначе. Матушка в третий раз не удержалась от пренебрежительного фырканья. И тут же пожалела об этом.

– А это что за запах? – недоуменно спросила она.

– Так-так, – сказала нянюшка Ягг, осторожно перекладывая ребенка на другую руку. – Пойду спрошу Маграт, у нее должны найтись чистые тряпки.

Оставшись одна, матушка почувствовала себя чуть неловко, как всякий гость, что остался один посреди хозяйской комнаты. Она даже погасила в себе мимолетный порыв подняться и рассмотреть корешки книжек в серванте, провести пальцем по каминной полке в поисках возможной пыли. Вместо этого она принялась с озабоченным видом вертеть в руках корону. Корона и в самом деле была куда увесистее, чем выглядела.

Поймав свое отражение в зеркале, поставленном на каминную полку, матушка еще раз пригляделась к короне. Она искушала. Почти умоляла матушку хотя бы разок примерить ее, хотя бы прикинуть размер. А и правда, великое ли дело? Убедившись, что по-прежнему в комнате одна, матушка быстрым движением смахнула шляпу и водрузила на ее место корону.

Размер был идеальным. Матушка чуть приосанилась и жестом, исполненным царственной лени, ткнула пальцем в сторону очага.

– Сию же минуту, бездельницы, – промурлыкала она. Затем, переведя взгляд на старинные стоячие часы, отчеканила каждый слог: – Повелеваю, негодяю – голову с плеч долой! – И хмуро ухмыльнулась.

Но тут же обомлела, ибо ее слуха достигли чьи-то истошные вопли, стук конских подков, мерзостный свист стрел и гнусное чмоканье наконечника пики, что встретила с человеческой плотью. Своды ее черепа сомкнулись над театром войны. С неистощимой силой клинки раскалывали щиты, ломали лезвия, крошили скелеты. За считанные секунды в мозгу ее пронеслись века. Она видела себя лежащей среди мертвецов, бессильно повисала на суку дерева, но всякий раз преданные руки подхватывали ее, прижимали к себе, подсовывали бархатную подушечку...

Матушка осторожно приподняла корону над темечком, что стоило ей немало усилий, поскольку корона того совсем не желала, и положила ее на стол.

– Да, несладко быть королем, – проговорила ведьма. – Может, надоумишь меня, малыш, чего ради в глотки друг другу вцепляться, если потом так маяться...

– Сахару? – раздался за ее спиной голос Маграт.

– В короли лезут одни дураки, – продолжала матушка.

– Прости, я что-то...

Матушка Ветровоск резко обернулась.

– Не слышала, как ты вошла, – объяснила она. – Что ты хотела?

– Сахару в чай сколько?

– Три ложки, – быстро заявила матушка Ветровоск.

Среди тех немногочисленных изъянов, от которых матушка не сподобилась избавиться на пути к высотам профессионального мастерства, главнейшими оказались здоровый румянец, играющий на ее щеках, и крепкие зубы. Какие бы заклинания ни пускала она в ход, бородавки упорно отказывались портить ее пригожее, хотя и чуточку кобылье лицо. Матушка беспощадно начинала организм сахаром, но добивалась лишь дальнейшего накопления и без того неисчерпаемых запасов жизненной энергии. Волшебник, к которому она как-то раз обратилась за консультацией, объяснил это наличием в ее клетках повышенного метаболизма. Матушку это отчасти утешило, поскольку такое положение дел давало ей некоторое преимущество, скажем, перед нянюшкой Ягг, в клетках которой отродясь никакого метаболизма не было.

Маграт прилежно отсчитала три полные, с горкой, ложки. «Что ты, не за что», – ответила она про себя, так и не дождавшись никакой реакции со стороны матушки.

Но тут она внезапно ощутила, что корона пристально наблюдает за ней.

– Как живая смотрит, верно? – сказала матушка. – Помнишь, что я говорила? Они при-
манивают людей!

- Какой ужас...
- На то они и короны. Не сами же они себя такими создали.
- Она наверняка заколдована!
- А я говорю, на то они и короны... – повторила матушка.
- Так и подначивает, чтобы я ее надела.
- Вот тут ты права.
- Но я выстою, я буду сильной... – пролепетала Маграт.
- От всего сердца надеюсь, – кивнула матушка. Вдруг ее лицо в неправдоподобно короткие сроки утратило всякое подобие жизненности. – А чем там Гита занимается?
- Моет младенца, – рассеянно ответила Маграт. – Но есть ли способ надежно спрятать эту штуку? А что, если мы все-таки возьмем да зароем ее в глубокой яме?
- Тогда ее рано или поздно откопает барсук, – начиная утомляться, объяснила матушка. – А может, приберут к рукам золотодобытчики. Или дерево оплетет ее корнями, а потом его ураган выкорчует. И уж тут обязательно кто-нибудь явится да нацепит ее.
- Только они, в отличие от нас, будут бессильны перед искушением, – веско добавила Маграт.
- Это понятно, – согласилась матушка, внимательно разглядывая свои ногти. – Хотя корону надеть – дело немудреное. Главное – снять ее потом.
- Маграт взяла корону в руки и повертела ее перед глазами.
- Мне кажется, она как-то даже не похожа на настоящую корону, – заявила она.
- Наверное, ты немало их на своем веку перевидала, – буркнула матушка.
- Между прочим, действительно немало, – дерзко откликнулась Маграт. – На настоящих коронах гораздо больше драгоценных камней, а серединка у них прикрыта лоскутком материи. А эта – какая-то маленькая, незаметная...
- Маграт Чесногк!
- Когда я училась у тетушки Вемпер...
- Пустьземляейбудетпухом.
- ...пустьземляейбудетпухом, она часто брала меня с собой в разные города, где играли труппы бродячих актеров, – мы побывали и в Захребетье, и в Ланкре. Тетушка Вемпер была без ума от театра. И у них в реквизите корон было столько, что они их даром могли раздавать, хотя... – Тут Маграт чуть замялась. – Мастерили их из жести, бумаги и лоскутков, а вместо драгоценностей были разноцветные стекляшки. Но они были больше похожи на настоящие короны, чем вот эта. Ты не находишь это немного странным?
- Ненастоящее, которое хочет стать настоящим, часто становится более настоящим, чем само настоящее. Общеизвестный факт. Только мне все это противно. Гляди-ка, теперь у нас еще и труппы играют. Напялили на себя короны и бродят по свету...
- Ты никогда не была в театре? – прошептала Маграт.
- Матушка Ветровоск, никогда не признававшаяся в собственном невежестве, ответила не колеблясь:
- Ну да, скажешь тоже! Видела я эти модные штучки!
- Тетушка Вемпер любила повторять, что театр – это зеркало жизни, – сказала Маграт. – А еще она говорила, что театр возвращает ей молодость.
- Так оно и бывает, – освоившись с новым поворотом темы, поспешила заверить ее матушка. – Надо только играть на нем умеючи. Они ведь люди-то сами неплохие, актеры эти, что на театре играют?
- Думаю, что хорошие.
- И по всей стране странствуют, говоришь? – задумчиво пробормотала матушка, бросая взгляд в сторону кухни.

– Они бывают всюду, где им рады. Я слышала, сейчас одна труппа находится в Ланкре. Правда, сама я на спектакли не ходила, поскольку, как понимаешь... – Маграт потупила взор. – Благовоспитанной девушке не к лицу в одиночку посещать такого рода увеселения...

Матушка кивнула. Она всегда ратовала за благочестивый образ жизни. Правда, себя она считала исключением.

Матушка отбарабанила по столу дробь.

– Так и решим, – сказала она. – Давай попробуем. Пойди к Гите, скажи, чтобы пеленала малыша. Давненько я не видала хорошей игры на театре...

Упоение сценой было для Маграт привычным состоянием. Сцена представляла собой дощатый настил на трех пивных бочонках. Все прочие приметы театра сводились к нескольким холстам размазанной мешковины и полудюжине лавчонок, расставленных на площади городка. И все же перед зрителями возникали картины, которые обозначали сначала «Замок», потом – «Другую часть того же Замка», каковая перевоплощалась в «Ту же часть Замка несколькими часами позже», а затем – в «Поле брани». Наконец настал черед и «Дороги, ведущей из города». Вечер в целом мог бы удалиться на славу, если бы не матушка Ветровоск.

После нескольких попыток определить, какой именно из трех инструментов, представленных в оркестровой яме, именуется театром, ведьма вынуждена была переключить внимание на сцену, и вот тут-то Маграт начала понемногу проникаться смутным осознанием того, что матушка еще не совсем уяснила краеугольные аспекты драматического искусства.

По ходу пьесы матушка не раз, заходясь от ярости, порывалась вскочить с лавки.

– Так ведь он же его прикончил! – шипела она. – Убил, нагло убил! Почему все сидят и глазеют?! Говорю тебе, убил! Нас даже не постеснялся!

Маграт судорожно вцепилась в руку своей подруги, но та упрямо пыталась высвободиться из захвата.

– Да не волнуйся ты так, – прошептала Маграт, – с ним все в порядке, он жив.

– Хочешь сказать, я вру?! – не унималась матушка. – Я же собственными глазами видела!

– Пойми же, матушка, – взмолилась Маграт. – На самом деле он не умер, это понарошку, ну?!

Матушка малость утихомирилась, но время от времени продолжала издавать глухое, негодующее урчание. У нее создалось впечатление, что из нее хотят сделать посмешище.

Тем временем на сцене появился мужчина, одетый в одну рубаху, и принялся произносить долгий и страстный монолог. Пару минут матушка внимала ему с напряженным вниманием, но потом ткнула свою младшую товарку под ребра.

– А ну-ка переведи, что он там наговорил! – потребовала она.

– Он сказал, что страшно мучается из-за смерти того, второго... – начала было втолковывать Маграт, но, осекшись, поспешила сменить тему. – Ты обратила внимание, сколько здесь разных корон?

Однако матушка не желала уходить от обсуждения:

– А чего ж он тогда его убивал?

– Как тебе сказать, это очень тонкий нюанс... – беспомощно пропищала Маграт.

– Стыд и позор! – отрезала матушка. – А тот, мертвый, так и валяется!

Маграт обратила исполненный мольбы и отчаяния взор на нянюшку Ягг. Та, неторопливо пережевывая очередное яблоко, вперила в сцену пытливый взор, за которым читался ненаигранный естественнонаучный интерес.

– Я лично смекаю, – она сделала ударение на последнем слове и повторила: – я лично смекаю, что тут все сплошная липа. Да ты глянь, этот-то, второй, все еще дышит.

Прочие зрители, невольно решившие, что реплики, сопровождающие ход спектакля, являются особенностью данной постановки, все как один переключили внимание на дышащего мертвеца. Лицо трупа залила густая краска румянца.

– А теперь на обувь его посмотри, – продолжала разбор нянюшка, – ты видала, чтобы настоящий король в такой обуви на люди вышел?

Труп сделал попытку переместить злополучную обувку за картонный кустик.

Матушка, в душе которой, по-видимому, пустили первые всходы семена небольшой победы, одержанной ею вместе со старой приятельницей над лицемерами и лжецами, извлекла из котомки яблоко и принялась с обновленным интересом следить за развитием событий на сцене. Вздурораженная психика Маграт начала успокаиваться, и сама она уже готова была сосредоточиться на пьесе, как вдруг ее усердные попытки отгородиться от тлетворной желчи неверия рассыпались в прах, когда слева от нее раздался вопрос:

– А это еще что за явление?

Маграт перевела дыхание.

– Дело вот в чем. Этот человек полагает, будто этот парень – принц, хотя на самом деле он – дочка второго короля, но переодетая мужчиной, – выпалила она на одном дыхании.

Матушка молчала. Облик актера стал предметом самого придирчивого разбора.

– Он и есть мужчина, – наконец заключила она. – Правильно думает. Мужчина в соломенном парике. Только говорит почему-то пискляво.

Маграт затрепетала. Ей, конечно, были знакомы некоторые условности сценического искусства. И в предвкушении этого явления ее сердце весь день ныло от ужаса. Ибо матушка Ветровоск была из тех, что всегда занимают недвусмысленную Позицию.

– Ты права, – кивнула Маграт, отдавая себя на заклятие. – Но таковы каноны театра. Женщин всегда играют только мужчины.

– Это еще почему?

– Потому что женщинам нельзя появляться на сцене, – прикрыв глаза, пискнула Маграт.

Каково же было ее изумление, когда спустя минуту она поняла, что ожидаемая буря так и не разразилась. Маграт скосила глаза влево.

Матушка, не сводя глаз со сцены, мирно жевала яблочный огрызок.

– Вечно ты всех взбаламутишь, Эсме, – вдруг сказала нянюшка Ягг, которая также знала о недвусмысленности матушкиной Позиции. – По-моему, неплохо. Мне даже нравится.

Вдруг кто-то сидящий сзади дотронулся до матушкиного плеча и произнес:

– Извините, пожалуйста, нельзя ли вас попросить снять шляпу?

Поворот, который предприняла матушка, протекал настолько медленно, что казалось, будто она запустила в ход некий крохотный, невидимый моторчик. Однако, выйдя на заданные рубежи, она одарила докучливого типа страшным стокиловаттным взглядом ярко-голубых глаз. Тип сразу зачих, обмяк и осел, причем физиономия его в точности передала все три стадии перевоплощения.

– Нельзя, – последовал ответ.

С минуту театрал обдумывал открывающиеся перед ним возможности.

– Хорошо, – в конце концов выдавил он.

Матушка, задержав взор на еще одно мучительное мгновение, все же решила возобновить просмотр спектакля. Повернувшись, она повелительно кивнула актерам, которые, позабыв о ролях, во все глаза таращились на нее.

– Что устались? – рявкнула она. – Давайте дальше.

Нянюшка Ягг передала ей вторую котомку:

– На, отведай конфеток.

Если бы у этого театра были своды, то под ними обязательно воцарилась бы чарующая тишина. Тишина эта время от времени прерывалась сдавленными репликами актеров, которые

не смели оторвать взоры от ощерившейся матушки, а также эхом обсасывания двух вареных мятных конфеток.

Внезапно голосом до того чеканным, что один из актеров даже выронил свой деревянный меч, матушка изрекла:

– Смотрите, сбоку еще один спрятался. Бормочет чего-то себе под нос.

– Это суфлер, – пояснила Маграт. – Он подсказывает им реплики.

– А сами они не знают, что говорить?

– Видимо, кое-кто постоянно отвлекает их, – с горечью промолвила Маграт.

Матушка пихнула в бок нянюшку Ягг:

– Слушай, что здесь творится, а? Растолкуй мне, зачем столько королей и прочего народу понабежало?

– А это они тут поминки справляют, – живо разъяснила нянюшка Ягг. – По королю мертвому, который в обувке драной был, только теперь он под солдата работает, а все остальные речи толкают – какой хороший, мол, король у нас был – и спрашивают, кто ж его прикончить посмел.

– Ты точно уверена? – мрачно переспросила матушка. Она окинула взглядом актеров, вычисляя преступника. И долго не сомневалась.

Черная шаль взметнулась над матушкиными плечами, словно крылья несущего возмездие ангела, спустившегося с небес, дабы карающим мечом истребить ложь, лицемерие, скудоумие и притворство. Матушка сейчас казалась вдвое крупнее против своих действительных объемов. Клеймящий перст указал на виновного.

– Этот вот! – пророкотала она. – Вот вам убийца! Это он его кинжалом пырнул. Теперь не отвертись, душегуб!

В шеренгах театралов, продвигавшихся к выходу, преобладал самый благодушный настрой. Во-первых, порадовала сама пьеса, даже с учетом того, что многие перипетии драмы ускользнули от их внимания. Во-вторых, под конец действия им удалось вдосталь потешиться: все до одного короли разом сиганули со сцены, а к подмосткам выскочила какая-то особа в черном и начала орать благим матом. Этот финал вполне покрывал пару грошей, что брали при входе.

Но три зрительницы не торопились покидать театр, продолжая оживленно обсуждать постановку.

– Слушай, а где они столько разных королей и господ набрали? – не унималась матушка. – Я всегда думала, что такие люди без дела не шлятся. Сидят на тронах, правят и все такое прочее.

– Все совсем не так, – уныло протянула Маграт. – Мне кажется, что ты до сих пор кое-чего не поняла.

– Нет, я все-таки докопаюсь! – бушевала матушка.

В подтверждение своих слов она вскарабкалась на сцену и отшвырнула в сторону декорации из мешковины.

– Слушай, ты! – крикнула она. – Это ведь ты трупом прикидывался!

Злополучный труп, который, желая укрепить расшатавшиеся нервы, уплетал бутерброд с ветчиной, грохнулся со стула и повалился на спину.

Затем настал черед картонного кустика. Матушкин башмак пропорол его насквозь.

– Ну что? – провозгласила она почти плотоядно, обращаясь к окружающим. – Все подделка! Фальшивка! Тут краска, там палки, а сзади бумага наклеена.

– Чем могу помочь вам, многоуважаемые?

Голос, произнесший эти слова, обладал дивным, раскатистым выговором, позволявшим ему журчать и искриться, тем более что окрашен он был в драгоценную палитру с преоблада-

нием золотисто-коричневого отлива. Если бы Создатель Вселенной был наделен голосовыми связками, то одаривал бы слушателей чем-то сравнимым по сладкозвучию. Единственный изъян этого голоса заключался в том, что им немыслимо было, скажем, попросить пошуровать кочергой в топке, ибо уголья тут же превратились бы в алмазы.

А меж тем голос этот, по-видимому, принадлежал тучному здоровяку, чье лицо подверглось самому гнусному домогательству со стороны безобразных усищ. Красные штришки вен испещряли его щеки до того густо, что последние смахивали на подробнейшие карты двух городов. Что же касается носа, то им толстяк, наверное, за минуту до этой встречи толлок клубнику в глубокой миске. Однако истрепанный жилет и дырявые башмаки он носил с апломбом, который почти убеждал, что всего минуту назад прачка забрала в стирку его подбитое дурностаем³, отделанное бархатным сукном платье. В одной руке он держал полотенце, которым продолжал стирать с лица лоснящийся грим.

– Я тебя узнаю, – проговорила матушка. – Ты – убийца. – Покосившись на Маграт, она нехотя буркнула: – По крайней мере, выглядело все очень натурально.

– Очень рад. Редкая удача встретить подлинного и тонкого ценителя. Позвольте же откомендоваться: Ольвин Витоллер. Я своего рода управляю этой праздношатающейся ватагой, – произнес толстяк и, стянув с головы побитую молю шляпу, приветствовал ведьму учтивейшим поклоном, который скорее смахивал на некое физическое упражнение для любителей натуралистической топологии.

Шляпа, проделав головокружительную череду кульбитов и пируэтов, замерла застывшей капителью на вершине упершейся в небесный свод руки, тогда как одна нога Витоллера отъехала чуть назад. При этом оставшаяся часть туловища, включая голову, осела в подобострастном скольжении к коленам ошарашенной матушки.

– Ну-ну, мы все понимаем, – успокоила его матушка, с удивлением замечая, что в любимом платье ей вдруг стало как-то неуютно и жарковато.

– А и правда, ты молодцом смотрелся, – вмешалась нянюшка Ягг. – Когда ты на них набросился, я сразу подумала: вон какие слова благородные, значит, точно король.

– Мы извиняемся, что нечаянно вам помешали, – пропищала Маграт.

– Милостивые государины, – начал Витоллер, – позволено ли будет мне донести до вас неслыханный восторг, каким преисполняется душа лицедея, когда он узнает о том, что в числе его публики нашлись натуры тонкие и чуткие, которые способны прозреть кристаллы духа, обитающие за смрадными пеленами грима?

– Считай, что позволено, – проговорила матушка. – Кто мы такие, чтобы запрещать тебе говорить?

Комедиант выпрямился, водворил на место шляпу и поймал матушкин взгляд. В течение последующей минуты они привередливо, почти нескромно изучали друг друга, как профессионал профессионала. Витоллер вынужден был уступить, хотя тут же заговорил с таким видом, словно вовсе и не участвовал в поединке:

– А теперь не могу ли я узнать, чем обязан визиту столь обворожительных дам?

В общем, он явно победил. Нижняя челюсть матушки отвалилась. Представься ей случай воздать хвалу собственной персоне, она бы никогда не отважилась перешагнуть за отметку «порядочная и отзывчивая». Нянюшка Ягг, при всей одутловатости, лицом больше смахивала на порядком ссохшуюся изюминку. Маграт Чесногк сравнение со стиральной доской если бы и не польстило, то и не обидело бы, – обеим была свойственна очаровательная незамысловатость натуры, а также опрятность, отдраенность и общая чистоплотность в сочетании с плос-

³ **Дурноста́й** – небольшое существо, чья черно-белая шкурка пользуется традиционным спросом в меховом производстве. Являясь более осмотрительным сородичем лемминга, этот грызун если и скидывается со скал, то только с надежной страховкой.

когрудостью, которая, правда, в случае Маграт чуть нарушалась двумя крохотными бугорками. Матушка нутром чуяла, что в ход было пущено какое-то волшебство, однако не была уверена, что сможет назвать, какое именно.

Дело было в голосе Витоллера. Все, о чем говорил комедиант, мгновенно преображалось.

«Только полюбуйтесь на этих двух, сразу хвосты распустили», – проворчала про себя матушка. Нахмурившись, она остановила собственную руку, которая вдруг вознамерилась пригладить торчащие во все стороны, словно железная стружка, кудряшки, и многозначительно откашлялась.

– Нам нужно побеседовать с тобой, господин Витоллер. – Матушка многозначительно ткнула пальцем в сторону актеров, которые, разбирая декорации, явно сторонились ревностной поклонницы сцены. Все же матушка сочла должным перейти на шепот. – Наедине, без посторонних.

– Сударыня, я весь к вашим услугам! – вскричал толстяк. – Что до меня, то я нынче обретаюсь вон в том достопочтеннейшем караван-сарае...

Ведьмы рассеянно оглянулись. В конце концов Маграт робко уточнила:

– Ты, наверное, имел в виду таверну?

Большая зала Ланкрского замка из всех щелей продувалась сквозняками, а у нового камергера двора имелись старые нелады с мочевым пузырем. В данную минуту камергер раболепно извивался под грозным оком ее светлости.

– Бесспорно. Их у нас хватает.

– И народ терпит их?

Камергер кашлянул:

– Виноват?

– Люди их терпят?

– О да, с большой охотой, ваша светлость. Считается доброй приметой, если по соседству с вами обосновалась ведьма. Весьма доброй приметой.

– Отчего же?

Камергер чуть помешкал. Последний раз он обращался к ведьме за помощью после того, как занедужила его прямая кишка, что немедленно превратило уборную в его доме в одиночную камеру пыток. Пузырек с притираниями, который вручила ему ведьма, сумел в кратчайшие сроки рассеять злое заклятие.

– Если случится у человека какая болезнь или морока, куда ж ему, как не к ведьме, податься?

– В той стране, где я выросла, к ведовству относились менее снисходительно, – отрезала герцогиня. – На том же подходе мы будем настаивать и здесь. А ты немедленно раздобудешь для нас их адреса.

– Кого-кого, ваша светлость?

– Мы хотим знать, где они проживают. Полагаю, сборщики налогов смогут без труда указать, где нам их найти?

– А, ну да... – жалобно протянул камергер.

Герцог подался чуть вперед на своем возвышении.

– Полагаю, они добросовестно платят налоги?

– Платить налоги – это не совсем по их части, ваша светлость...

Воцарилось долгое молчание.

– Да-да, продолжай, – наконец поощрил герцог.

– Сказать правду, ваша светлость, они их вроде как и не платят. Так у нас повелось... одним словом, покойный король... Нет, в общем, не платят.

Герцог положил руку на кулачок жены.

– Нам все понятно, – холодно ответил он. – Вопросов нет. Свободен.

Камергер, отвесив краткий, торопливый поклон, по-крабьи ретировался из залы.

– Да уж! – крикнула герцогиня.

– Ничего не скажешь! – подхватил герцог.

– Вот как твоя семья правила этим королевством! Умертвить кузена было твоим священным долгом. Того требовало попечение о благе рода человеческого. Слабый должен уступить дорогу сильному.

Герцог вздрогнул. Она не уставала напоминать ему об убийстве. Нельзя сказать, что герцог чурался убийства как такового, в особенности если совершалось оно другими людьми по его приказу, а сам он получал возможность лишь присутствовать при исполнении. Однако убийство собственного родича, к тому же исполненное самолично, крепко засело у него в горле... или – герцог задумался – в печенках.

– Истинная правда, – выдавил он. – Однако хоть на первый взгляд страна наша так и кишит ведьмами, отыскать среди них тех трех, что торчали тогда на торфяной пустоши...

– Их всех ждет одна судьба.

– Ну разумеется.

– А твоя судьба – в твоих руках.

– Знаю, любовь моя.

Она попала в точку. Его судьба и впрямь оказалась в его руках. Стоило на миг закрыть глаза, и он видел тело, что скатывалось по ступенькам лестницы. Но не чудится ли ему? Из темного угла залы до Флема явственно донеслось чье-то сиплое, сдавленное дыхание. Но они определенно остались в зале вдвоем. Итак, он взял судьбу в руки, и она решила остаться там навечно. Герцог пытался смыть кровавые подтеки. Словно, вытравив их, он избавится и от своей судьбы. Он тер, скреб, драил зловещие следы до тех пор, пока в утробе его не родился вопль отчаяния.

В общественных заведениях матушка так и не научилась чувствовать себя раскованно. Остолбнев, что солдат при команде «Смирно!», матушка сидела за стаканчиком портвейна с таким видом, словно тот был редутом, который она воздвигла между собой и соблазнами мира.

Стаканчик же нянюшки Ягг, с которым та как раз сейчас расправлялась, был, по подсчетам матушки Ветровоск, уже третьим за вечер, и ведьма с горечью убеждалась в том, что приятельница на всех парах мчится по колее, обещавшей в последний момент разгула вознести ее на стол, где нянюшка в таких случаях отплясывала народные танцы, щеголяя исподним бельем и зычно распевая «Вот только с ежиком вышел прокол».

На столе россыпью лежали медяки. Витоллер с женой, усевшись друг против друга, быстро пересчитывали монетки. Над мероприятием явно довлел дух соперничества.

Пока госпожа Витоллер выковыривала из-под пальцев мужа фартинги, матушка наблюдала за семейной парой. На вид госпожа Витоллер была женщиной смышленной, обходившейся с мужем что сердобольная овчарка с ягненком. На матримониальные хитросплетения у матушки выработался несколько созерцательный взгляд, взгляд астронома, обзирающего поверхности удаленных, чуждых нашему пониманию миров. Тем не менее у нее имелись собственные наработки относительно того, какой тип женщины должен составить счастье человека, подобного господину Витоллеру. По ее мнению, то был весьма своеобразный тип, наделенный неиссякаемыми запасами долготерпения вкупе с практической жилкой, а также весьма проворными пальчиками.

– Госпожа Витоллер, – произнесла она наконец, – боюсь показаться прямолинейной, но все-таки спрошу: насколько плодотворен оказался ваш союз?

Оба супруга воззрились на нее.

– Она спрашивает о том... – вступила было нянюшка Ягг.

– Не нужно, я все прекрасно понял, – тихо проговорил Витоллер. – Когда-то у нас была дочь. А с тех пор никого больше не было.

Над столом повисла гнетущая тишина. На секунду-другую лицо Витоллера отразило почти человеческие чувства. Он вперил унылый взор в медяки, которые только что заботливо уложил перед собой в столбики.

– Видишь, какое дело... У нас есть ребенок, – продолжила матушка, тыча пальцем в малыша на руках у нянюшки. – А ребенку нужен дом.

Витоллеры перевели взгляды в указанном направлении, и комедиант глубоко вздохнул:

– Такая жизнь не для детей. Мы же всегда в пути, из дома в дом, из города в город. И в школу ему некогда ходить будет. А сейчас, говорят, без образования никуда не сунешься.

И все же Витоллер глаз не сводил с младенца.

– Почему вы сказали, что ребенку нужен дом? – поинтересовалась госпожа Витоллер.

– Потому что как раз дома у него и нет. Такого дома, где ему были бы рады.

Вновь наступило затяжное молчание. Наконец Витоллер произнес:

– И вы просите нас взять на себя заботы о его участии по праву...

– По праву крестных, – брякнула нянюшка Ягг.

Матушка прикусила губу. Она бы на такое не сподобилась.

Витоллер с отсутствующим выражением катал по столешнице монетки. Вдруг жена протянула руку и дотронулась до его плеча, и в следующий миг был заключен бессловесный союз. Матушка сочла, что приличнее будет потупить взор. Выражение и черты лица другого человека ведьма умела читать бегло, однако бывали случаи, когда к этому умению она прибегать не желала.

– Придется, конечно, затянуть поясок... – неопределенно промямлил Витоллер.

– Ничего, как затянем, так и распустим, – твердо заявила жена.

– Да. Думаю, ты права. Зато какое счастье – вырастить малыша...

Матушка кивнула и запустила руку в потайные уголки своего одеяния. Приложив изрядное усилие, она вытащила на свет маленький кожаный узелок и опрокинула его на стол. Из узелка россыпью хлынули серебряные монеты, кое-где крапленые сиянием золота.

– Тут должно хватить... на эти... – Матушка на миг умолкла. – На подгузники и пеленки. На штанишки всякие. На что хотите.

– И на то, чтобы вырастить еще сотню таких карапузов, – утратив все сладкозвучие, проблеял Витоллер. – Но почему вы с самого начала не упомянули об этом?

– Человек, которого можно купить, как правило, ничего не стоит.

– Но ведь вы ничего о нас не знаете! – воскликнула госпожа Витоллер.

– Ты так считаешь? – хладнокровно парировала матушка. – Нам, само собой, хотелось бы получать весточки о том, как его успехи. Так что не забывайте писать! Но только я очень советую: не вздумайте никому рассказывать о нашем деле, если не хотите, чтобы с младенцем стряслось что-нибудь дурное.

Госпожа Витоллер смерила ведьм пристальным взглядом:

– А ведь вы кое о чем умалчиваете. За всем этим кроется какая-то тайна. Правильно угадала?

Чуть помешкав, матушка все же кивнула в подтверждение ее слов.

– Но если мы узнаем правду, то счастливее от этого не станем. Верно?

Матушка снова ответила кивком и резко поднялась – в таверну ввалились несколько актеров. А актеры, как известно, не умеют веселиться тихо.

– Прошу извинить, – отрывисто сказала матушка Ветровоск, – у меня неотложные дела.

– Но как зовут мальчугана? – спросил Витоллер.

– Том, – ответила матушка, не моргнув и глазом.

– Джон, – отозвалась нянюшка Ягг.

Ведьмы встретились взглядами. Матушка вышла победительницей.

– Том-Джон, – уточнила она и, не говоря больше ни слова, ретировалась к выходу.

Ступив за порог заведения, она столкнулась нос к носу с запыхавшейся Маграт.

– Я нашла там сундук, – затараторила та. – В нем полным-полно корон и всякого барахла.

Я все сделала, как ты велела, положила ее на самое дно.

– Порядок, – кивнула матушка.

– Наша корона, по сравнению с другими, самая невзрачная...

– Кому густо, а кому и пусто, – фыркнула матушка. – Тебя не заметили?

– Нет, все были заняты своими делами, вот разве что... – Маграт помедлила. Густой румянец залил ее щеки.

– Ну?

– Только я отошла от сундука, как подкрался какой-то мужчина и ущипнул меня... сзади... – Лицо Маграт полыхало палитрой густо-малиновых оттенков. Ладонка ее прилипла к губам.

– А потом? – уточнила матушка.

– Вот, а потом... потом...

– Не тяни.

– Он сказал мне кое-что...

– Что именно?

– Сказал, дескать, привет, цыпочка, ты сегодня вечером не занята?

Матушка погрузилась в сосредоточенное раздумье.

– Скажи, тетушка Вемпер, она тебя на люди, наверное, не часто выводила?

– Ты же знаешь, у нее ноги очень болели, – ответила Маграт.

– Но повивальное дело вы с ней проходили?

– Вообще-то да, а что? У меня это хорошо получалось.

– Тут такие штуки... – Матушка с трудом подбирала слова, боясь сделать неверный шаг на зыбкой, малознакомой ей почве. – Неужто она ни разу не обмолвилась, что происходит до?

– До чего?

– Ну... – произнесла матушка голосом, в котором звучало отчаяние. – Про роль мужчины... ничего не рассказывала?

Глаза Маграт округлились от ужаса.

– Про роль мужчины?!

За свою долгую жизнь матушка Ветровоск не раз бралась за самые безнадежные дела. И заставить ее отступить было нелегко. Но на сей раз она вынуждена была спасовать.

– Наверное, правильное всего будет попросить нянюшку Ягг, чтобы она потолковала с тобой накоротке. И тянуть с этим не стоит. Чем раньше это произойдет, тем лучше...

Вдруг из окна, расположенного над их головами, вырвался залп дикого хохота, сопровождаемый звоном сдвигаемых кружек. Высокий голос, едва не надрываясь, затянул последнюю строчку припева:

– ...Жирафу, если встанешь на стол, вот только с ежиком...

Дослушать припев до конца матушка не желала.

– Но сегодня ее лучше не тревожить, – закончила она.

Бродячая труппа снялась с места за несколько часов до захода солнца. Четыре фургона, шатающиеся из стороны в сторону, виднелись на дороге, что вела из Ланкра в направлении равнины Сто, где лепились друг к другу большие города. Согласно уставу города, все шуты, скоморохи, фокусники, шарлатаны и прочие вероятные правонарушители должны были выйти за ворота Ланкра до наступления темноты. Правило это, в сущности, было вполне безобидным, поскольку стен, в общепринятом понимании, вокруг города не существовало и мало кто

высказывал негодование в случае, если после захода солнца кое-кто из бродяг, не поднимая шума, просачивался обратно. Требовалось лишь воздать должное заведенным порядкам.

Воспользовавшись старинным, с зеленоватыми жилками нянюшкиным кристаллом, ведьмы наблюдали за движением каравана из хижины Маграт.

– Пора бы тебе научиться добывать оттуда звук, – пробурчала под нос матушка Ветровоск, встряхивая шар, отчего изображение покрылось рябью.

– Как это было восхитительно! – воскликнула Маграт. – Эти фургоны комедиантов... Чего там только нет – деревья, вырезанные из бумаги, костюмы и... – Маграт начертила в воздухе широкий квадрат, – огромная такая картина с изображением всяких храмов и башен. Так здорово!

Матушка хмыкнула.

– Раз – и обычные люди преобразаются в королей и принцев. В этом есть что-то от магии. Как вы думаете?

– Маграт Чесногк, ты соображаешь, что несешь? Это же сплошная фальшивка – краска да картон. Даже дурак сразу заметит.

Маграт открыла было рот, но, сдержав контрдовод, успела вовремя его закрыть.

– А что поделявает нянюшка? – рассеянно спросила она.

– Решила прилечь на лужайке, – ответила матушка. – Плохо себя чувствует.

Недуг больной тут же дал о себе знать весьма обильным звуковыделением.

Маграт собралась с духом:

– Знаешь, мне кажется, что, раз уж мы назвались его крестными, мы просто обязаны сделать ему подарки. Таков неписанный обычай.

– Это еще что за бред?

– Порядочная ведьма всегда преподносит младенцу три дара, – не сдавалась Маграт. – Как правило, красоту, мудрость и счастье. Во всяком случае, в старину так оно и было.

– Понятно. Домики из имбирных пряников, прялки и тыквы, – пробубнила матушка, не обнаруживая почтения к старине. – А потом еще проколоть себе палец шипом от розы. Никогда не опускалась до такого.

Нахмурившись, она с удвоенной силой потерла шар.

– Может быть, ты и права, но... – Маграт запнулась, заметив, как покосилась на нее матушка.

Вот такая она, Маграт. Полная голова тыквенной каши. Кому хочешь готова крестной стать – просто так, за здорово живешь. Но за всей этой мешаниной – чистая, красивая душа. Девушка, которая всегда приласкает маленького пушистого зверька. В общем, из тех личностей, которые непременно полезут на высокое дерево, чтобы вернуть в гнездо выпавшего птенчика.

– Сама смотри. Если тебе это так нужно... – буркнула, сама себе поражаясь, матушка и рассеянно помахала утопающим в кристалле фургонам. – На что в таких случаях установка? Красота и богатство?

– Ну, одних денег для счастья мало. А если он пойдет в отца, то и статью обделен не будет, – сразу посерьезнев, рассудила Маграт. – Может быть, правильнее говорить о мудрости? Ты как считаешь?

– Мудрости человек сам учиться должен, – резонно заметила матушка.

– Тогда, может, острое зрение? Или красивый голос, как у певца?

Снаружи доносилось сиплое, но вдохновенное исполнение народной баллады. Ночному небосводу толково разъясняли, что «на волшебном посохе – нехилый набалдашник».

– Это все не так важно, – громко произнесла матушка. – Прибегни к помощи головологии. Без красоты с богатством прожить можно... – Она снова взялась за кристалл и махнула рукой: – Сходила бы лучше и привела нянюшку. Сама говорила, что нас должно быть трое.

Ввести в дом приболевшую нянюшку, равно как и растолковать ей смысл родившейся у Маграт затей, стоило обоим ведьмам немалых хлопот.

– Чего такое? Три п'дарка? – ошарашенно проговорила нянюшка Ягг. – П'следний раз я п'дарок делала, когда девочкой была.

Маграт шныряла взад-вперед по комнате – зажигала свечи.

– Мы должны создать надлежащий магический антураж, – объяснила она.

Матушка лишь передернула плечами, хотя поведение Маграт можно было расценить как настоящий вызов. Но каждая ведьма вольна заниматься ворожбой по-своему, а они в данную минуту находились в хижине Маграт.

– А чего вы ему дарить собрались? – поинтересовалась нянюшка Ягг.

– Мы же только что тебе сказали – сами не знаем, – ответила матушка.

– Слушайте, есть мысль! – провозгласила нянюшка и тут же поделилась ею.

Наступила гробовая тишина.

– Прости, но я все-таки не понимаю – какой ему от этого прок? – высказалась наконец Маграт. – К тому же это, должно быть, не совсем удобно – ходить мешает...

– Да он потом, когда вырастет, нам кланяться будет, помани мое слово, – заявила нянюшка Ягг. – Мой первый муж всегда любил повторять...

– Вообще, не помешало бы, – вовремя вступилась матушка, сверля приятельницу острым взором, – придумать что-нибудь не столь... не столь сальное. Обязательно тебе нужно все опопшлить! Поражаюсь тебе, Гита, и что тебе вечно неймется?

– Ну знаешь, лично я, к примеру, считаю...

Тут обе дамы перешли на шепот, и весьма прежаркий. Затем установилась долгая, мучительная пауза.

– Мне кажется, – сказала Маграт, робея от собственной смышленности, – мы мудро поступим, если разойдемся по собственным хижинам и все сделаем так, как каждой велит ее сердце. Понимаете? То есть отдельно друг от друга. День сегодня был трудный, мы все утомились...

– Правильная мысль, – твердо заявила матушка, поднимаясь с лавки, и крайне сурово буркнула: – Вставай, Гита, уходим. День был трудный, ты переутомилась.

Ведьмы вышли за дверь, продолжая препираться друг с другом.

Маграт, окружив себя разноцветными свечами, откупорила пузырек с одним исключительно мощным средством оккультного характера – это средство она заказала из кладовых, расположенных в далеком Анк-Морпорке, и ей не терпелось испытать зелье в действии. Порой так хочется, чтобы люди были чуточку добрее к ближнему своему...

Маграт взглянула на волшебный шар.

Можно начинать.

– Он всегда будет легко сходиться с людьми, – прошептала она.

Может, то был не самый первостепенный навык в жизни, но для самой Маграт эта способность была тайной за семью печатями.

Нянюшка Ягг, усевшись у себя на кухне, взяла на колени своего жутких размеров кота, нацепила на сон грядущий стаканчик и тщетно попыталась припомнить начало семнадцатого куплета из бессмертного «Ежика». В куплете речь должна была идти о козах, но подробности были безнадежно утеряны. Время в очередной раз одержало верх над памятью.

Нянюшка чокнулась с невидимым собутыльником.

– Память у малыша такая будет, что все черти от зависти подохнут. Чтобы все песни с первого раза запоминал!

А матушка Ветровоск, шагая по объятому тишиной лесу, зябко куталась в шаль и по-прежнему бредила себе душу. День был трудный, местами – мучительный. А театр ее и вовсе доконал. Все только и делают, что выдают себя за других людей, сплошной обман творится,

а дуб можно пальцем проткнуть! Матушка любила отдавать себе отчет в том, на каком свете находится. Свет, на котором она побывала сегодня, настораживал и, более того, озадачивал.

Все эти очевидные противоречия могли вогнать в оторопь кого угодно.

Матушка зашагала быстрой походкой путника, который явно убежден в том, что сырая, ветреная ночь, настигшая его в этом лесу, таит в себе нечто необъяснимое и зловещее. Этим убеждением матушка прониклась сполна.

– Пусть же он станет тем, кем сам пожелает, – пробормотала она. – Это все, о чем может мечтать человек.

Подобно большинству смертных, ведьмы лишены укорененности в настоящем, а выделяются среди прочих тем, что способны, пусть и не до конца, сей изъян осознать и даже извлечь из него кое-какую пользу. Они заботливо хранят память о прошлом, поскольку отчасти живут там, и способны узреть смутные тени, которые отбрасывает будущее.

Матушка вполне отчетливо видела грядущее. Оно было испещрено ножевыми ранами.

Грядущее наступило с рассветом следующего дня. Четверо всадников, спешившись на краю чащи неподалеку от матушкиной хижины, стреножили коней и осторожно двинулись вперед.

Сержант, назначенный ответственным, отнесся к поручению без восторга. Уроженец Овцепиков, он с трудом представлял себе, как может выглядеть пленение ведьмы, зато отдавал себе отчет, что приветствовать собственное пленение ведьма не станет. А сержанту не хотелось приветствовать то, что не могла приветствовать ведьма.

Его подчиненные также были коренными овцепикцами. Они следовали по пятам за начальником, от всего сердца надеясь использовать того в качестве щита при обнаружении сколько-нибудь более подозрительного предмета, чем обычное дерево.

В утренней дымке постепенно прорисовывались мухомороподобные очертания дома. Целебные травы, привольно разросшиеся в матушкином саду, колыхались, хотя воздух был недвижим. Среди прочих в саду были представлены растения, которые даже для Овцепиков являлись диковинными, прибывшими сюда с самого Края Диска. Сержант был готов поклясться, что пара цветочков обратили к нему свои пестики. Он вздрогнул.

– Что теперь-то делать, командир?

– Что делать? Рас... да, рассредоточиться вокруг дома.

Солдаты с удвоенной осторожностью преодолели заросли. Оказавшись у поваленного ствола, сержант присел на корточки и прошептал:

– Отлично. Просто молодцы. Командира понимаете с полуслова. А теперь давайте живо рассредоточивайтесь... только на сей раз рассредоточивайтесь поодиночке.

Солдаты, вполголоса ворча, растворились в туманных дебрях. Сержант выждал пару минут, чтобы подчиненные успели закрепиться на позициях, а затем произнес:

– Вот и славно. Теперь же... – И осекся.

Он вдруг с испугом спросил себя, разумно ли с его стороны орать на все окрестности, отдавая приказы. Неразумно, тут же решил он.

Тогда сержант выпрямился, снял с головы шлем, изъявляя таким образом уважение к хозяйке дома, и, переступая онемевшими ногами, приблизился к хижине с заднего хода. Откашлявшись, он несколько раз очень вежливо стукнул в дверь.

По прошествии определенного промежутка времени сержант напялил шлем обратно на голову и, молвив: «Дома никого нет, значит, ломаем дверь», принялся отмерять дистанцию для разбега.

В этот миг дверь отворилась. Отворилась с изуверской медлительностью, со скрипом, способным на целый день испортить настроение. За пронзительностью скрипа следовало запоздрить не безалаберность хозяйки, но, напротив, кропотливейшие усилия, как, например,

ежедневное ошпаривание петель кипятком. Сержант замер и начал медленно поворачиваться лицом к двери.

Пустота дверного проема, представшая его взору, произвела на него гнетущее впечатление. Весь его жизненный опыт говорил о том, что двери сами по себе не открываются.

Сержант снова откашлялся.

Нагнувшись к его уху, зашедшая сзади матушка Ветровоск прошептала:

– Кашель у тебя запущен. Молодец, что заглянул.

Сержант уставился на нее с выражением бездыханного благоговения.

– Гр-р-р... – только и смог сказать он.

– И что дальше? – спросил герцог.

Сержант упорно таращился на точку в двух дюймах правее герцогского кресла.

– Дальше... Она предложила мне чашку чая.

– А чем были заняты твои люди?

– Им она тоже предложила чаю.

Герцог поднялся с кресла и ласково обнял сержанта за плечи, трепетавшие под ржавыми звеньями кольчуги. Он и сам чувствовал себя прескверно. Полночи он пытался смыть кровавые пятна с ладоней. Полночи ему казалось, что над самым его ухом кто-то шепчет. Утренняя овсянка была пересоленной и подгоревшей. Кончилось все тем, что повар устроил форменную истерику. Из этого напрашивался вывод, что герцог должен был пребывать в бешенстве. А герцог меж тем был необычайно участлив и обходителен. Он принадлежал к той породе людей, которые по мере того, как подходят к концу запасы терпения, становятся все более нежными и покладистыми. И только потом вы выясняете, что их последняя любезность, наподобие «не знаю, как вас и благодарить», на самом деле являлась вежливым приглашением на гильотину.

– Послушай, сержант... – проговорил герцог, неторопливо прохаживаясь с несчастным солдатом по кабинету.

– Да, мой повелитель?

– У меня все-таки есть ощущение, что я плохо растолковал тебе собственный приказ, – вкрадчиво промолвил герцог.

– Повелитель?

– Я спрашиваю себя, не могло ли случиться так, что я сам поставил тебя в затруднительное положение... Понимаешь, мне-то сдается, что я велел привести ведьму в замок. Если потребуется – в оковах. Но вдруг вместо этого я обмолвился и произнес: «Зайдите к ведьме, попейте у нее чайку». Неужели я допустил такую оплошность?

Сержант принялся растирать себе лоб. Сарказм как средство риторики был для сержанта в новинку. В его окружении проявления негодования сводились к бранным выкрикам и, от случая к случаю, разлетающимся в стороны щепкам.

– Никак нет, о господин.

– Тогда растолкуй мне, почему ты не соизволил выполнить именно то, что от меня услышал?

– Повелитель...

– Наверное, она шепнула тебе одно из своих заклятий. Мне ведь кое-что известно об их повадках, – сказал герцог, проведший половину ночи за чтением одного из самых волнительных трактатов, когда-либо посвященных этой неисчерпаемой теме⁴. – Полагаю, она соблазнила твой взор картинами неземного блаженства? Или, быть может, прельстила посулами запре-

⁴ Написанных, к слову сказать, волшебниками, которые все до одного убежденные холостяки, и потому их фантазии насчет того, чем можно заниматься в четыре часа утра, порой весьма экстравагантны.

ценных утех и иступленного сладострастия, самые помыслы о коих делают человека несчастнейшим из смертных?

Герцог опустил в кресло, обмахиваясь носовым платком.

– Все ли ладно у вас со здоровьем, о повелитель? – осведомился сержант.

– Как-как? О, все вроде на месте...

– У вас щеки покраснелись.

– Ты мне зубы не заговаривай! – рявкнул герцог, пробуя взять себя в руки. – Лучше честно признайся, она предлагала тебе упоительные и кощунственные наслаждения, ведомые лишь тому, кто обретается в пучинах похоти?

Сержант вытянулся по струнке и снова уставился в любимую точку.

– Никак нет, господин! – выдохнул он, как бывает с лицом подневольным, который набрался мужества выложить всю правду без остатка. – Она предложила мне... пряник.

– Какой еще пряник?

– Пряник с черноплодной начинкой, господин.

Флем застыл в неподвижной позе, отчаянно пытаясь вновь обрести внутреннее равновесие.

– А что твои люди?

– Им она тоже предложила по прянику. Всем, кроме молокососа Роджера, которому пряники запрещены по причине здоровья.

Герцог грузно плюхнулся на скамью, поставленную между окон, и уткнулся лицом в ладони. «А ведь рождение мое сулило мне владеть равнинной землей с ее плоским, незатейливым ландшафтом, где погода не издевается над людьми, а сами люди не напоминают жижицу! – сокрушался герцог. – Но это еще не все, сейчас я должен узнать, чем потчевали Роджера».

– Его она угостила тортом, повелитель.

Герцог повернулся к деревьям. Внутри у него все кипело и бурлило. И все же, являясь на протяжении двадцати лет счастливым обладателем руки леди Флем, он не только научился укрощать свои чувства, но и мог, при необходимости, обуздать инстинкты. Когда в голове происходили жаркие баталии, лицо его сохраняло полнейшую окаменелость. Впрочем, сейчас из темных гротов сознания вылезло чувство, на которое герцог раньше не тратил времени. На поверхности показался острый плавник любопытства.

Пятьдесят предыдущих лет герцог прожил, ухитрившись сохранить самые невинные представления о пользе любопытства. В отличие от измены и вероломства, оно не являлось семейным клеймом аристократии. Вот почему герцог всегда полагал, что уверенность в чем-либо куда более ценная черта человеческой натуры. Но он потихоньку начинал понимать, что и у любопытства имеется важное предназначение.

Сержант сохранял невзыскательное выражение подневольного служаки, готового ждать команды повелителя до той поры, пока резкий порыв ветра не вынудит его поменять позу. Долгие годы безмятежной службы под штандартами короля Ланкра не прошли для него бесследно: если тело его вытянулось, как того требует «смирно», то живот, несмотря на все старания, испытывал явное тяготение к «вольному».

А герцог тем временем пытливо разглядывал Шута, примостившегося возле трона на табурете. Согбенный человечек чуть приподнял лицо, смерил властелина недоумевающим взором и с вялым беспокойством передернул плечами.

Герцог наконец принял решение. Старая истина: отыщи у человека уязвимое место – и там тебя ждет ключ к успеху. Тут же ему на ум пришло соображение о том, что таковые места, в частности, включают и печенки некоторых монархов, куда легко входит нож. Он тряхнул головой и попытался сосредоточиться на более судьбоносных материях...

...Следы которых он отчаянно пытался вытравить со своих ладоней. Прошлой ночью он устремился в один из казематов замка, где в камере пыток позаимствовал железную щетку.

Но против этой материи железо оказалось бессильно. Оно только усугубляло положение: чем усерднее он скреб злосчастные пятна, тем кровавее они становились. Герцог уже спрашивал себя, не повредился ли он рассудком.

Флем затолкал ненужные размышления на дальние полки мозга. И так, на чем он остановился? Ах да, уязвимые места. Шут был настоящим воплощением уязвимости.

– Ты свободен, сержант.

– Слушаюсь, господин, – кивнул сержант и чеканной поступью вышел из залы.

– Шут!

– Здесь твой куманек, государь! – беспокойно откликнулся Шут, пару раз ущипнув струны мандолины.

Герцог медленно опустился на трон.

– Уж если ты намекаешь, что ты – кум королю, тогда дай ему один родственный совет, дурья башка.

– Ей-ей, дяденька... – начал было Шут.

– И дяденькой твоим я сроду не был, – продолжал герцог. – Не могла память так злобно подшутить надо мной. – Говоря это, герцог Флем склонился над Шутом так низко, что едва не потерял кончиком носа о его искаженное ужасом лицо. – Если и следующую свою ремарку ты предваришь словами «куманек», «дяденька» или «ей-ей», тебе придется туго.

Шут беззвучно подвигал губами и произнес:

– А что скажешь на «истинную правду»?

Герцог умел чувствовать момент, когда следует сбавить обороты.

– От «истинной правды» я, пожалуй, не отмоюсь... Равно как и ты, Шут. Но берегись, если ты затеял какой-то подвох. – И герцог соорудил ласковую мину. – Давно ходишь в паяцах, парень?

– Истинная правда, почтеннейший...

– «Почтеннейшего» трогать не будем, – перебил герцог, поднимая руку.

– Истинная правда, по... повелитель, – произнес Шут и сглотнул. – Сколько себя помню. Семнадцать лет под колпаком, и отроком, и мужем. А до меня Шутом состоял мой отец. И вместе с ним – мой дядька. До них обоих Шутом служил мой дед. А его...

– Стало быть, в твоём роду были одни дурни?

– Таков семейный обычай, – ответил Шут. – Истинная правда, правитель.

Герцог снова обозначил на лице ухмылку, но Шут настолько разволновался, что даже не успел сосчитать, сколько зубов насчитывал оскал.

– Полагаю, ты родом из здешних мест?

– Угадал, кума... Абсолютная правда, сир.

– И стало быть, тебе известны обычаи этой страны и повадки ее обитателей?

– Надеюсь, что да. Истинная правда.

– Чудесно. Скажи мне, где ты спишь, паяц?

– В конюшнях, правитель.

– Сегодняшнюю ночь и все последующие ты будешь проводить у дверей моей спальни, – милостиво пообещал герцог.

– Ого!

– А вот теперь, – промолвил герцог столь сладостно, что голос его облил Шута, что струйка патоки – пудинг, – мой Шут, подробно расскажи все, что ты знаешь о ведьмах.

И вместо того, чтобы уютно устроиться на ложе из свалившейся соломы, отведенном ему в конюшне, следующую ночь Шуту и впрямь пришлось коротать в продуваемых сквозняками коридорах, расположенных прямо над Большой залой.

– Экое тупое паясничанье, – негодовал он, ворочаясь с боку на бок на плитах. – Ах, куманек, куманек, где ж это видано?

Наконец он впал в мучительное забытие, на протяжении которого взор его постоянно тревожила некая бесплотная фигура. Время от времени слух улавливал отголоски беседы, что по другую сторону двери вели между собой герцог и герцогиня Флем.

– Сквозняков, по крайней мере, здесь поубавилось, – нехотя признала герцогиня.

Герцог откинулся на спинку кресла и взглянул на супругу с улыбкой.

– Итак? – нетерпеливо осведомилась она. – Почему не видно ведьм?

– Камергер, похоже, сказал правду, любовь моя. Сдается мне, что ведьмы околдовали местных поселян. Сержант нашей гвардии вернулся в замок с пустыми руками.

«Руками», – усилием воли он погасил эхо, которым отозвалось в сознании воспоминание о собственных руках.

– Отчего ж ты его до сих пор не казнил?! – живо вскинулась герцогиня. – В назидание остальной челяди...

– Если мы станем руководствоваться таким правилом, дорогая, то рано или поздно останемся с одним-единственным солдатом, которому вынуждены будем повелеть перерезать себе глотку, объяснив, что это он делает в назидание самому себе. Между прочим, – мягко напомнил он, – я уже обратил внимание, что слуг за последние дни порядком поубавилось. Ты знаешь, я редко вмешиваюсь...

– Вот и не вмешивайся, – отрезала герцогиня. – За ведением дома надзираю я. И лодырей я терпеть не намерена.

– Я даже не сомневаюсь, что твой кругозор в подобных вопросах неизмеримо шире моего, однако...

– Скажи мне ясно и внятно, как обстоят дела с ведьмами? Неужели ты встанешь в стороне и станешь смиренно глядеть, как они подкапываются под твоё и моё будущее? Позволишь этой нечисти открыто оказать тебе неповиновение? А что слышно о короне?

Герцог развел руками:

– Наверное, лежит себе где-нибудь на дне реки...

– А младенец? Его точно ведьмам отдали? Надеюсь, они практикуют человеческие жертвы?

– Не приходилось об этом слышать, – ответил герцог.

Герцогиню ответ явно расстроил.

– Видишь ли, ведьмы... – начал герцог. – Местные жители находятся под властью их чар...

– Но ты...

– Но чары эти другой, не магической природы. Ведьмы окружены всеобщим уважением. Неудивительно, ведь они исцеляют людей. Но вот что действительно странно. Мне кажется, что жители гор побаиваются их, но одновременно гордятся ими. По-моему, будет не так легко вступить с ними в открытое противоборство.

– Я начинаю думать, – мрачно произнесла герцогиня, – что они и тебя заморозили.

На самом же деле герцог был пленен чарами совсем иной природы. Власть, эта таинственная услада, издавна манила к себе Флема. Она же, если на то пошло, стала причиной его супружества. Герцог не отрывал взгляд от камина.

– А ведь на самом деле, – догадалась герцогиня, хорошо изучившая эту зловещую усмешку, – тебе это нравится, да? Нравится ощущение опасности. Помнишь год, когда мы поженились? А ту плетку с узелками? – И герцогиня щелкнула пальцами возле самого носа окоченевшего было супруга. Он резко выпрямился.

– Ты ошибаешься! – прорычал герцог.

– Тогда что же ты намерен делать?

– Ждать.

– Ждать?

– Ждать и наблюдать. В терпении сокрыта большая мудрость.

И герцог снова повалился на спинку кресла. Улыбка, змеящаяся на его губах, была сродни трещине на древнем горном уступе. Внезапно его левый глаз начал подергиваться.

На повязках, которыми в несколько слоев были обмотаны его руки, проступили кровавые пятна.

Пришло время полной луне снова оседлать свирепые тучи.

Матушка Ветровоск подоила и покормила коз, сгребла в кучку каминную золу, набросила на зеркало покрывало и захватила стоявшее в уголке помело. Выйдя из дома с заднего хода, она заперла дверь на замок, а ключ повесила на гвоздь, вколоченный в стенку сортира.

За последствия можно было не тревожиться. Истории овцепикского ведовства был известен лишь один-единственный случай, когда грабитель взломал дверь принадлежащей ведьме хижины. Кара была страшной⁵.

Сев на помело, матушка пробубнила под нос несколько фраз, но как-то не слишком твердо и уверенно. Повторив заклятие пару раз, она спешила, поковырялась в веревках, связывающих прутья, и предприняла еще одну попытку. На заднем конце помела вспыхнуло и тут же померкло какое-то мутное свечение.

– Вот холера! – сдавленно выругалась ведьма.

Матушка зорко огляделась по сторонам – на случай, если рядом окажется непосвященный. Из последних поблизости бродил лишь проголодавшийся барсук, который, заслышав гулкий топот, сопровождающий матушкин разбег, высунул мордочку из подлеска и увидел запыхавшуюся ведьму, мчащуюся по лесной тропке с помелом под мышкой. Неожиданно магическое зажигание сработало, и матушка едва успела запрыгнуть на помело, когда оно с изяществом однокрылой утки рвануло в ночное небо.

Над верхушками деревьев разнеслось невнятное ругательство, адресованное всей гномьей породе, которая обязательно что-то нахимичит со своими нововведениями.

Большинство ведьм склонно селиться вдали от чужих глаз, застилая кровли лачуг традиционной соломой и устанавливая на них не менее традиционные крючковые трубы. Такого подхода придерживалась, к примеру, матушка Ветровоск, которая всегда говаривала: «Собралась стать ведьмой – сделай так, чтобы люди об этом знали».

Нянюшку Ягг, напротив, мало беспокоило то, что люди знают, и еще меньше то, что они могут подумать. Она проживала в новом, пряничном с виду домике, поставленном в самом оживленном месте Ланкра. День и ночь ее осаждали многочисленные родичи, которых она сплотила в некое подобие империи. Бессчетные дочери и невестки поочередно, подчиняясь расписанию, приходили сюда стряпать и прибираться; любой ровный участок поверхности был уставлен и унизан предметами декоративного обихода, которые доставляли в дом странствующие члены семейства. Сыновья и внуки укладывали вязанки дров, обшивали крышу, прочищали дымоход. Буфет в столовой ломился от заморских вин, а табакерка, стоящая наготове возле ее кресла-качалки, всегда была доверху набита табаком. Над очагом в гостиной висело огромное панно с выжженной надписью: «Мать». Всемирная история не знала диктаторов, которым удалось бы сосредоточить в своих руках такое невероятное могущество.

Помимо этого, у нянюшки Ягг имелось домашнее животное, огромный одноглазый серый котик по кличке Грибо, который посвящал свое время главным образом сну, вкушению пищи, а также умножению и без того необъятного усатого семейства, делая это на строго кро-

⁵ В сущности, ведьма ничего особенного не предприняла, однако в случаях, когда им доводилось видаться на деревенских улочках, ведьма всегда встречала воришку застенчивой, чуть недоуменной улыбкой. Через три недели несчастный, не выдержав напряжения, сломался и решил самостоятельно уйти из этого мира. Ушел же он при этом в мир, расположенный по другую сторону материка, где личность его претерпела полнейшее обновление. Назад он так никогда и не вернулся.

восмесительных основах. Услышав громкий шлепок на задней лужайке дома, поведавший ему, что совершило приземление полуразвалившееся помело матушки Ветровоск, Грибо приоткрыл единственный глаз, вспыхнувший желтизной, точно окошко в преисподнюю. Оpozнав в матушке закоренелую кошконенавистницу, кот безропотно шмыгнул под хозяйское кресло.

Маграт уже сидела у камина, чопорно поджав ноги.

В числе немногих недвусмысленных постулатов магии есть такой, который гласит, что лицо, занимающееся чародейством, не может на сколько-нибудь длительный срок изменять свою внешность. Тела, заряженные своего рода изменятьной инерцией, постепенно будут возвращаться к изначальному состоянию. И все же Маграт пыталась восстать против этого постулата. Каждое утро она превращалась в блондинку с густыми длинными локонами и каждый вечер убеждалась в неизбывной ершистой взъерошенности своих волос. Чтобы добиться некоторого улучшения результата, Маграт пробовала вплетать в волосы фиалки и уснащать прическу коровьими языками, однако к желаемому не приблизилась ни на йоту. Благодаря подобным мерам она лишь приобретала сходство с девушкой, пострадавшей от нечаянного попадания в голову упавшей с балкона кадки.

– Вечер добрый, – сказала матушка.

– Какая радость встретиться под такой изумительной луной! – вежливо ответила Маграт. – Чудесная встреча. Сияют звезды...

– Здравствуй, здравствуй, кум мордастый! – приветствовала старую подругу нянюшка.

Маграт поморщилась.

Матушка тем временем присела на стул и принялась вытаскивать из шляпы булавки, которыми прищипливала к пучку волос плотные поля. Наконец новшество в облике Маграт привлекло ее внимание.

– Маграт?!

Молодая ведьма вздрогнула и что было сил стиснула узловатые пальцы над добродетельными складочками своего одеяния.

– Д-да? – пискнула она.

– Что это ты у себя на коленях держишь?

– Это мой помощник, дружок, – отважно выдержала удар Маграт.

– А что стряслось с жабой?

– Жаба упрыгала, – пролепетала Маграт. – Но надо заметить, она мне вовсе и не нравилась.

Матушка вздохнула. Маграт никак не удавалось найти себе в друзья-помощники нормальное существо, – несмотря на ласку и заботу, которыми она окружала любимцев, все они рано или поздно обнаруживали в своем характере гнусное вероломство, как то: стремление кусать хозяйку, путаться у нее под ногами или – в редких случаях – проявлять способности к метаморфозам.

– Номер пятнадцать за последний год, – констатировала матушка. – Это если не считать того конягу. Ну, кто на сей раз?

– Булыжник, – хихикнула нянюшка Ягг.

– Хоть из дома не сбежит, и то ладно, – хмыкнула матушка.

«Булыжник» тем временем высунул голову и воззрился на матушку с выражением мягкого недоумения.

– Это черепаха, – пояснила Маграт. – Я купила ее на рынке в Овецкряжье. Она ужасно древняя и знает уйму таинственных историй. Так сказал продавец.

– Знаем мы таких продавцов, – фыркнула матушка. – Всучит тебе золотую рыбку, а назавтра она вся полиняет.

– Я назову ее Быстроножкой, – звонко ответила Маграт, воодушевленная собственным неповиновением. – В конце концов, запретить мне это никто не может.

– Дело твое... Ну, что у вас слышно, сестрички? Уж два месяца как не встречались.

– А нужно, чтобы встречи происходили перед началом каждого месяца, – строго заметила Маграт. – Причем без срывов, регулярно.

– Так ведь у меньшого Грэйма-то нашего свадьбу гуляли, – сообщила нянюшка Ягг. – Не могла ж я отпроситься!

– А я всю ночь тогда с больной козой провозилась, – поспешно вставила матушка.

– Что ж, бывает, – кивнула Маграт, не скрывая своего недоверия, и пошарила рукой в котомке. – Но прежде чем мы начнем, неплохо было бы зажечь свечи.

Ее старшие товарки обменялись усталыми взглядами.

– Погляди, какую славную лампу мне мой Трейси прислал, – напевно сказала нянюшка Ягг. – Зачем свечи? Я огонек прибавлю, и все.

– А я, Маграт, всегда отлично видела в темноте! – выпалила матушка. – Слишком много ты всяких книжек читаешь. Всяких гемарров.

– Гримуаров... – шепотом поправила Маграт.

– И не вздумай опять мне пол разрисовывать! – пригрозила нянюшка Ягг. – В прошлый раз Дрин моей пришлось полдня на карачках ползать, чтобы пол вымыть... от этих... как эта пакость зовется?

– От рун, – ввернула Маграт. В глазах ее читалась мольба. – Ну хоть одну свечечку...

– Добро, – махнула рукой нянюшка Ягг, – зажигай, коли так неймется. Но только одну. И выбери какую-нибудь приличную, белую. Без всяких там выкрутасов!

Маграт вздохнула. Пожалуй, не стоит торопиться и вытряхивать из котомки все содержимое.

– Надо бы нам еще кого-нибудь позвать. Шабаш на троих – это как-то...

– А я и не знала, что мы на шабаш собираемся. Мне лично никто ничего не говорил, – фыркнула матушка. – Но с другой стороны, по нашему склону горы кроме нас одна только старая мамаша Дипбаж осталась, да и та давно из дома не выходит.

– Зато у меня в деревне есть немало молоденьких девушек... – обмолвилась Маграт. – Ведь им можно было бы... привить интерес...

– Тебе прекрасно известно, что мы так не работаем, – тут же отрезала матушка. – За наше ремесло просто так не берутся, оно само, если нужно, человека находит.

– Да, конечно, конечно... Ты права... Прости.

– Ладно, ладно, – сразу смягчилась матушка. Так и не овладев за всю свою жизнь даром принесения извинений, она тем не менее умела ценить его в ближних.

– Лучше давайте подумаем, как нам с герцогом быть, – произнесла нянюшка Ягг, желая внести свою лепту в потепление.

Матушка откинулась на спинку кресла.

– Он недавно несколько хижин в Дурном Заде запалил, – высказалась она. – Налоги они, видите ли, не платили.

– Чудовище, – выговорила Маграт.

– Ну, наш старый король Веренс тоже частенько это проделывал, – возразила нянюшка Ягг. – Крутой у него нрав был.

– Веренс давал людям на улицу выйти, – напомнила матушка.

– Ну да, – кивнула нянюшка Ягг, которая всегда была закоренелой роялисткой. – Веренс по-благородному хотел. И деньги потом давал на обустройство. Очень часто такое бывало. Когда помнил.

– А на каждую Ночь Всех Пустых олений бок выдавал. Это уж никогда не забывал делать, – добавила матушка.

– Вот-вот, – согласилась нянюшка Ягг. – И ведьм читил. Случалось, охотится он на людей, травит их гончими, а вдруг возьми и меня в лесу повстречай. И шлем-то с головы снимет,

скажет ласково так: мол, надеюсь, вы в добром здравии, кума Ягг. А на следующий день всегда слуга от него являлся, пару бутылочек приносил. Настоящий король.

– А мне кажется, что травить людей гончими – неправильно, – заявила Маграт.

– Согласна, неправильно, – подтвердила матушка, – но это делалось только тогда, когда люди эти что-нибудь плохое сделали. Сам он любил повторять, что забава нравилась абсолютно всем. И всегда отпускал преступников, после того как они как следует по лесу побегают.

– А это его чудовище косматое... – продолжала вспоминать нянюшка Ягг.

Обстановка, в которой протекала беседа, тут же пережила существенное обновление. Атмосфера стала более спертой, по углам появилась драпировка из недосказанностей.

– Ну да, – сухо отозвалась матушка. – *Droit de seigneur*.

– Отгуливал как надо, – сказала нянюшка Ягг, разглядывая уголья в камине.

– Зато на другой день всегда посылал управляющего с ларцом серебра и корзиной с приданным для невесты, – вспоминала матушка. – Так что наши пары не на пустом месте жизнь начинали.

– Бывало, что и пары, – отметила нянюшка Ягг. – Бывало и поменьше...

– Настоящий король, – подтвердила матушка Ветровоск.

– О чем это вы? – подозрительно осведомилась Маграт. – Разве король держал в замке какой-то питомник?

Две ведьмы сумели-таки выплыть на поверхность с глубоководья полунамеков. Матушка Ветровоск пожала плечами.

– Должна заметить, – продолжала Маграт, взяв самый надменный тон, на какой могла решиться, – что если вы и впрямь такого высокого мнения о покойном короле, то мне непонятно, почему вы совсем не встревожены обстоятельствами его гибели. Согласитесь, они наводят на подозрения.

– На то они и короли, – внушительно поведала матушка, – один уходит, другой на его место заступает. Хорошие ли они, плохие – разницы никакой. Отец его, к примеру, своего предшественника отравил.

– Помню старика. Фаргумом его звали, – промолвила нянюшка Ягг. – С рыжей такой, огромной бороდიщей. Кстати, тоже мужчина был благородный.

– А вот про то, что Флем – убийца короля, никто не смеет и слова сказать, – заметила Маграт.

– Да брось ты! – махнула рукой матушка.

– На днях он уже провел одну показательную казнь в Ланкре, – продолжала Маграт. – Людей обвинили, как было сказано, в распространении злонамеренной лжи. Флем заявил, что всякий, кто попытается им вторить, познакомится с убранством казематов замка, причем знакомство это будет недолгим. Еще он утверждал, что смерть Веренса была вызвана естественными причинами.

– Тут он абсолютно прав, – возразила матушка. – Убийство для нормального короля – самая естественная причина смерти. Я только не пойму, чего он так волнуется. Когда, к примеру, старика Фаргума отравили, так его голову на шест насадили, костры разожгли и всем замком гуляли, неделю не трезвели.

– А я тебе вот что доложу, – вступила нянюшка Ягг. – Голову его потом по деревням возили, показывали – дескать, умер король. Очень убедительная мера. И для людей, и для него самого. Он, помню, все улыбался. Мне кажется, ему понравилась собственная смерть.

– По-моему, нам все-таки надо быть поосторожнее с новым королем, – сказала матушка. – Слишком он умный. Для королей это только во вред. А что такое уважение, он, по-моему, вообще не знает.

– Ко мне на прошлой неделе один мужчина приходил, – встряла Маграт, – спрашивал, нет ли у меня желания уплатить налоги. Я сказала, что нет.

– Он и ко мне заходил, – поделилась нянюшка Ягг. – Пришлось Джейсону нашему вместе с Вейном выйти, помочь втолковать ему, что мы в этом не участвуем...

– Маленький такой, лысый, в черном плаще? – уточнила матушка, о чем-то крепко призадумавшись.

– Да, – ответили обе ведьмы.

– Знаю такого. Полчаса лазил по моим кустам малины, пока мне не надоело. Вышла спросить, чего ему надо, так он сразу и умчался.

– Если честно, я все-таки дала ему пару монеток, – призналась Маграт. – Он сказал, что его в замке пытать будут, если он не заставит ведьм налоги платить.

Герцог Флем внимательно глядел на две монетки, лежащие у него на ладони.

Затем он посмотрел в глаза сборщику налогов:

– Ну?

Сборщик старательно откашлялся:

– Видите ли, господин... Я объяснял им, что нам нужно содержать регулярное войско, канальство. Они спрашивают – а зачем? Я им говорю – чтобы охранять вас от разбойников, канальство, а они говорят – нас разбойники не трогают.

– А как же работы по благоустройству?

– А... Да. Я так им и сказал – надо, мол, дома новые строить, мосты возводить, канальство...

– Ну и?

– Говорят – не нужны они нам, мы ими не пользуемся.

– Да неужели? – лукаво переспросил герцог. – Вброд они, что ли, речки переходят?

– Не могу знать, господин. Но ведьмы-то, думаю, что хочешь перейдут.

– Что еще они тебе поведали?

Сборщик податей иступленно мусолил край своего мундира.

– Такое вот канальство, господин. Я им намекаю, что с налогами королю сподручнее заботиться о мире...

– А они?

– Сказали, пусть лучше король о своем покое печется. А потом посмотрели на меня так...

– И как же они на тебя посмотрели?

Герцог сидел, подпирая рукой подбородок, и с искренним вниманием смотрел на своего слугу.

– Да и не расскажешь толком, канальство, – замялся сборщик налогов.

Ему хотелось увернуться от взора герцога Флема, внушающего ему странное наваждение, будто бы плитки, которыми был выложен пол в зале, вдруг сорвались с отведенных мест и рассеялись в разных направлениях, в связи с чем сам пол растянулся на площадь в несколько акров.

– Ну, не робей...

Сборщик налогов вдруг залился румянцем.

– Тут такое канальство, – пробормотал он. – В общем, плохой был взгляд.

Ответ этот являлся наглядной демонстрацией того, что сборщики налогов гораздо лучше управляются с цифрами, чем со словами. Однако если бы смущение, страх, скверная память и полнейшее отсутствие воображения не вступили против него в сговор, сборщик мог бы дать несколько другой ответ: «Помню, в детстве, когда я еще в пацанах ходил, оставили меня как-то раз с теткой, а она от меня, канальство, сливки решила спрятать, слила их в банку и поставила на самую высокую полку в чулане, а я дождался, когда она из дому ушла, забрался на табуретку и давай их лопать, а тут она назад приходит, а я и не услышал ее шагов, да еще и банку случайно с полки смахнул, разбилась она вдребезги, а тут тетка дверь открыла и посмотрела на меня

так, что я на всю жизнь запомнил. Вот и они на меня так же посмотрели. Но самое страшное, они, похоже, знали, как на меня моя тетка смотрела...»

– Плохой?

– Да, сир.

Герцог побарабанил пальцами по левому подлокотнику трона. Сборщик налогов еще раз откашлялся:

– Это... вы же не заставите меня возвращаться туда?

– Как-как? – переспросил герцог и раздраженно отмахнулся: – Да нет, конечно... Забудь. Просто найди пыточных дел мастера и передай ему, что я просил... В общем, пусть он поработает с тобой.

Выразив взглядом самую горячую признательность, сборщик налогов отвесил герцогу поклон:

– Слушаюсь, господин. Сию минуту, сир. Премного благодарен. Вы такой...

– Знаю, знаю, – рассеянно проговорил Флем. – Свободен... – И герцог остался один на один с гигантской пустующей залой.

Погода вновь испортилась. Накапывал дождик. Через равные промежутки времени пласт штукатурки, отделившись от потолка, с грохотом разбивался о плиточный пол. Стены натужно кряхтели, словно силясь еще глубже внедриться в землю. Из подвалов веяло сырой вонью.

Пусть же небо будет свидетелем, он ненавидит это королевство.

Ненавидит этот жалкий клочок земли, что в длину насчитывает сорок миль, а в ширину не наберет и десятка, почти целиком покрытый угрюмыми скалами с льдисто-зеленоватыми отрогами, клинкообразными хребтами и глухими, непроходимыми чащобами. Как может такое крохотное королевство доставлять столько неудобств своему повелителю?

Но было у этого королевства и другое измерение, решительно не укладывающееся в его, повелителя, голове. Королевство было наделено глубиной. И власти короля эта многомерность не подчинялась.

Флем поднялся с трона и не спеша прошел к балкону, предлагающему несравненный обзор лесной опушки. У Флема вдруг зародилось подозрение, что деревья не сводят с него пытливых взглядов.

Он чувствовал себя уязвленным. Но чувству этому приходилось лишь удивляться, поскольку народ не выказывал сопротивления его власти. Противление вообще было не в свойствах людей. Взять Веренса, к которому всегда относились неплохо. На похороны стеклось приличное число простолюдинов, со скорбными лицами сопровождавших процессию. А ведь печатью тупости эти лица не были отмечены. Но была в них некая отстраненная самопоглощенность, словно дела монархов касались народ лишь самым поверхностным образом.

Герцога же эти людишки изводили нисколько не меньше, чем деревья. Случись нынче какой-нибудь свирепый бунт – все было бы... на своих местах. Тогда можно было бы вешать всех без разбора. И душа бы отдохнула. Моментально произошла бы закупорка артерий общественного организма, столь благотворно влияющая на развитие всякого государства. На равнинных местностях на пинок отвечают пинком. А этот народец лишь отступит в сторону и будет покорно ждать, пока у тебя отсохнет пинающая нога. Спрашивается, как может король, правящий подобным сбродом, рассчитывать вписать свое имя в историю. Ведь угнетать местных людишек все равно что угнетать телом матрас.

Действуя из соображений общей политической выгоды – чтобы все поняли, с какой властью теперь придется жить, – Флем уже повысил налоги, спалил несколько деревень... Жалкие, ничемные потуги.

А еще они обожают своих ведьм. Ведьмы же не дают покоя его мыслям...

– Шут!

Шут, задремавший у подножия трона своего господина, проснулся и бешено завращал зрачками.

– Туточки!

– Поди сюда, болван!

Шут, скорбно тренькая бубенцами, потрусил к хозяину.

– Скажи мне, Шут, здесь бывает перерыв в дождях?

– Ей-ей, куманек...

– Ответь на мой вопрос, – перебил герцог Флем, являя чудеса выдержки.

– Порой случается и такое, сир. Только перерыв этот заполняется снегом. Но еще перепадают деньки, когда все королевство купается в настоящих оргулярных туманах.

– Оргулярных? – рассеянно переспросил герцог.

Шута понесло. Уши его в ужасе внимали тому, что слетало с языка.

– Проще говоря, густых, повелитель... Слово это восходит к лататинскому «orgulum», что значит «суп, бульон».

Но герцог его не слушал. У него имелось давнишнее убеждение, что прислушиваться к лепету всякой мелюзги в большей или меньшей степени нецелесообразно.

– Мне скучно, Шут...

– Не позабавят ли тебя, повелитель, мои выходки и безобидные колкости?

– Что ж, валяй.

Шут облизнул пересохшие губы. Он рассчитывал, что все обернется иначе. Король Веренс в ответ на такое предложение награждал его добрым пинком или разбивал бутылку о его темечко, чем и разгонял тоску. То был настоящий король.

– Я жду, мой Шут. Заставь меня смеяться.

Колебаться дальше было бессмысленно.

– Почему в семизвездье семь звезд, а не больше?

Герцог сдвинул брови. Шут счел за лучшее побыстрее закончить свой всплеск остроумия.

– А потому, что не восемь, – заявил он и, поскольку именно этого требовал ритуал восприятия прибаутки, легонько постучал герцога Флема своим уставным пузырем и ущипнул струну мандолины.

Указательный палец герцога в ответ отстучал краткую дробь по подлокотнику кресла.

– Неужели? – сказал он. – И что дальше?

– Гм, тут, вообще говоря, и сказке конец... – произнес Шут и мрачно добавил: – Дедушка всегда считал эту шутку одним из самых крупных достижений своей жизни.

– Сдается мне, он рассказывал ее немного иначе, – фыркнул герцог и поднялся с трона. – Созови моих лесничих. Я решил прокатиться верхом и заодно поохотиться. А ты можешь составить мне компанию.

– Но, сир, я ни разу в жизни не садился в седло!

В первый раз за утро на губах герцога заиграла улыбка.

– Грандиозно! – процедил он. – Значит, мы приготовим для тебя лошадку, которая ни разу в жизни под этим седлом не ходила. Ха. Ха. – И герцог опустил взор на свои повязки.

«А еще, – подумал он, – надо бы не забыть послать за оружейником. Он одолжит мне напильник».

Минул еще год. Дни волочились один за другим, терпеливо прозябая в нескончаемой очереди. Когда-то, на заре основания множественной вселенной, предпринималась попытка запустить всю эту очередь целиком, но меры не увенчались успехом.

Томджон, расположившись под зыбким сооружением, что служило Хьюлу в качестве письменного стола, наблюдал за тем, как отец, расхаживая взад и вперед между фургонами и помахивая в такт речи рукой, предается словоизлиянию. Всякий раз, когда с ним такое случа-

лось, Витоллер непременно пускал в ход свою руку, – если бы на него надели наручники, он едва ли смог бы открыть рот.

– Ну хорошо, хорошо, – говорил он. – Но ведь есть еще «Королевские невесты».

– Гвоздь ушедшего сезона, – подал голос Хьюл.

– Прекрасно. Тогда будем давать «Малло, тиран Клатча», – заявил Витоллер, и гор-
тань его, тут же плавно переключившись, исторгла рокот, который мог заставить задребезжать
стекла в окружающих домах. – «В кровавых пеленах явился я на этот свет, И кровью власть
моя питалась, Пусть неразумный, что решится переплыть те реки крови...»

– Мы ставили это в позапрошлом году, – невозмутимо заметил Хьюл. – А главное, пуб-
лика королями уже по горло сыта. Она хочет пьесу, которая бы ее рассмешила.

– Пусть так, но сыта она отнюдь не моими королями, – ответил Витоллер. – Дорогой
мой мальчик, человек идет в театр не за тем, чтобы его там веселили. Он идет туда, чтобы
Сопереживать, Учиться, Восторгаться и, наконец...

– Веселиться, – закончил Хьюл. – Взгляни сюда.

Томджон услышал шебуршание бумаги и скрип плетеных прутьев, указывающий на то,
что Витоллер присел на корзину с антуражем.

– «Редкие свойства магии, – прочитал Витоллер, – или Развлеки себя сам».

Вытанув ноги, Хьюл обнаружил под столом присутствие Томджона и за ухо выволок
мальчугана из укрытия.

– А что здесь такое? – спросил Витоллер. – Волшебники? Демоны? Чертенята? Жанровые
сценки?

– По-моему, очень удалась сцена четвертая из второго акта... – поделился Хьюл, отпра-
вля мальчишку к сундукам с бутафорией. – Комическая сцена мытья посуды с двумя прислуж-
ницами.

– Слушай, ну а ложе-то с мертвецом тут будет? – со слабой надеждой поинтересовался
Витоллер.

– Нет, ложа с мертвецом не будет, – отрезал Хьюл. – Зато в третьем акте может появиться
один очень забавный монолог. Если хочешь, набросаю.

– Забавный монолог?

– В последнем акте все равно есть лакуна. Пускай там кто-нибудь поразглагольствует. За
ночь должен успеть написать.

– И чтобы дырок было побольше, – заключил Витоллер, вставая, – какое-нибудь гнусное
убийство. Такие штуки всегда хорошо идут.

Повернувшись, он пошел отдавать распоряжения по установке сцены.

А Хьюл, вздохнув, взял в руки гусиное перо. Невидимый за стенами из мешковины, при-
таился городок Вислопес, непостижимым образом примостившийся в лощине, которая рас-
кроила почти отвесные стены одного каньона. Вообще говоря, Овцепики не были обделены
ровными участками поверхности. Беда в том, что почти все эти участки по своей ориентации
вертикальны.

Хьюл не слишком жаловал Овцепики, что само по себе было достойно удивления,
поскольку склоны гор являются прибежищем для многих поколений горных гномов, а Хьюл
по рождению был представителем этого славного народца, каковой чести он, однако, дав-
ным-давно лишился. Дело заключалось не только в его неистребимой клаустрофобии, но и в
склонности к грезам наяву. Местный же гномий король посчитал, что дар этот никак не сможет
украсить его подданного, которому вменяется в обязанность производить регулярные замахы
киркой и не забывать о необходимости опускать оружие. Все закончилось тем, что Хьюл полу-
чил весьма скромных размеров узелок с золотыми монетами, самые прочувствованные напут-
ствия соплеменников и решительные заверения в недопустимости их встречи в будущем.

Случилось так, что странствующие комедианты Витоллера давали представление в городке, где поселился гном, и последний, ухитрившись выкроить из скудных средств медяк, побывал на «Долине Драконов». Он отсидел спектакль не шелохнувшись и ни разу не помевшись в лице, вернулся к себе домой, а рано утром уже стучался в дверь Витоллера с первым наброском «Короля-под-Горой». Вещь, по правде говоря, получилась рыхловатая, однако Витоллеру хватило проницательности, чтобы разглядеть за вихрастой твердолюбытью творческую стихию, способную в будущем повергнуть мир в трепет. И спустя несколько дней, когда странствующие комедианты снова отправились в путь, Хьюл трусил в хвосте кавалькады.

Частички сырого вдохновения способны проникнуть в самые дальние уголки вселенной. Рано или поздно одна из них неизбежно должна стукнуться о какое-то чувствительное темечко, под которым впоследствии родятся концепции ДНК, форма сонаты для флейты или способ износа нитей накала в лампочках в два раза быстрее. Но большинство частиц пролетают мимо, и большинство смертных умирают, так ни разу и не почувствовав их удар.

Но есть смертные, которым везет еще меньше. Таким смертным достаются все частички до единой.

К этим смертным относился и Хьюл. Вдохновения, пленявшего его разум, хватило бы, чтобы обеспечить с лихвой целую эпоху сценического искусства, несмотря на то, что его крошечный шишковатый череп едва ли был предназначен эволюцией для чего-то большего, чем отражение ударов увесистой дубинки.

Хьюл пососал кончик гусиного пера, обвел кротким, застенчивым взглядом лагерь. За ним никто не следил. И Хьюл, осторожно сняв верхние листы «Редких свойств магии», склонился над толстенной пачкой еще не исписанной бумаги.

То был не очередной халтурный выкидыш. Каждая страничка была щедро полита потом автора. Слова, корчась и извиваясь, процеживались сквозь узоры клякс, паутинки исправлений и стаи разнокрылых галочек, несших на спинках вкрапления в текст. Хьюл некоторое время посидел над чистым листом, воскрешая в себе мир, который частью состоял из него самого, частью – из листочка бумаги, а также тех яростных и нежных восклицаний, что заполняли его сновидения.

И обмакнул перо.

Освободившись от не слишком тягостных оков гномьей бдительности, юный Томджон откинул крышку сундука с бутафорией и, со свойственной малышам дотошной обстоятельностью, принялся разворачивать одну за другой короны.

Гном, высунув кончик языка, лавировал пером между чернильными рифами листа: он уже знал, как поступить с нареченными друг другу судьбой возлюбленными, куда втиснуть сценку с веселыми могильщиками и где лучше отверзнуть уста горбатому королю. Правда, еще предстояло разобраться с кошками, роликовыми коньками и...

Станный звук заставил его поднять глаза.

– Охолони, малый, – буркнул он. – Выбирай себе вещи по размеру. Положи ее на место.

Диск потихоньку плыл в зиму.

Зимний пейзаж в Овцепиках при всем желании невозможно описать как очарованную страну с замороженными морозом деревьями, каждая веточка которых присыпана ломкой ледяной пудрой.

Зима в Овцепиках не церемонится – она олицетворяет собой врата в доисторический холод, что царил еще до сотворения мира, и выражается в нескольких ярдах снежного покрова, который превращает окрестные леса в тенистый, зеленоватого отлива лабиринт, надежно подбитый сугробами. Зима также приносит ленивые ветры, которым невдомек, зачем огибать человеческие тела, когда можно пройти прямо сквозь них. Вот почему представление о зиме

как о красивейшем времени года было в высшей степени чуждо сознанию овцепикцев, которые понятие «снег» обозначали восемнадцатью различными словами⁶.

Призрак короля Веренса, голодный и неприкаянный, слонялся вдоль стен родного замка, вглядывался в дорогие сердцу леса и выжидал.

Ибо зима была полна знамений. Ночами на окованном стужей небосводе то и дело полыхали кометы; днем над землей тяжело перебирали щупальцами диковинного вида иногда китообразные, иногда драконоподобные исполинские тучи. В Захребетье кошка принесла двухголового котенка – хотя к этому, принимая во внимание доказанность положения папаши Грибо как единственного предка по мужской линии всех представителей кошачьего рода за последние тридцать поколений его истории, вряд ли стоило относиться серьезно.

Так или иначе, в Дурном Заде снес яйцо один петушок, вследствие чего бедолага вынужден был выносить потом расспросы личного характера и самого язвительного свойства. В Ланкре один горожанин клялся и божился, что лично знаком с другим горожанином, наблюдавшим воочию, как передвигается на собственных корнях дерево. А однажды выпал свирепый град из мороженных креветок. В небе постоянно появлялось какое-то непонятное мерцание. Гуси начали ходить задом наперед. И над всем этим нависали гигантские завесы холодного огня, называемого «центральное сияние», чьи хладные блестки выкладывали на полночных снегах многоцветную мозаику.

Во всех этих явлениях ничего неординарного, конечно, не было. Овцепики, устроившись аккуратно поперек магического поля Диска, подобно железному бруску, нечаянно оброненному на колею подземки, были настолько пропитаны парами магии, что периодически вынуждены были разряжаться в окружающее пространство. И потому местные жители, когда им случалось проснуться посреди ночи, бормотали лишь: «Вот холера, опять знамения к нам заладили!», переворачивались на другой бок и снова засыпали.

Пришла Ночь Всех Пустых, вписав в хроники окончание года. И тут с обезоруживающей внезапностью привычный ход вещей дал осечку.

Небеса вдруг расчистились, снег по глубине и скрипучести стал вполне сопоставим с сахарной глазурью.

Замерзшие леса были окутаны покоем и отдавали уютным запашком жести. С неба же если что-то изредка и падало, то только свежие, пушистые снежинки.

Странник, пройдя по торфяной пустоши от Овцепик до самого Ланкра, мог так ни разу и не увидеть в болотах бродячие огоньки, не испытать удовольствие встречи с безглавой собакой или деревом-скитальцем, не узреть промелькнувшую комету или призрачную карету. Такого странника приходилось отводить в ближайшую таверну и впрыскивать ему местного пойла, чтобы нервишки у него хоть немного да расшалились.

Стоицизм овцепикцев, ставший следствием многолетнего противостояния буйству магических стихий, вынужден был капитулировать перед лицом столь внезапных перемен. Как будто шум, к которому вы уже привыкли, вдруг утих.

Спрятавшись от лютой стужи под грудой стеганых одеял, матушка Ветровоск тоже услышала это. Предполагается, в силу традиций, что Ночь Всех Пустых, страдество, является в течение всего долгого года на Диске единственной ночью, когда ведьмы не покидают своих домов, поэтому матушка, следуя традиции, раньше обычного улеглась в постель, взяв к себе в компанию корзинку с яблоками и каменную грелку. Внезапно что-то вывело ее из дремы.

Обычный человек в схожих обстоятельствах начал бы крадучись спускаться к входной двери, не забыв прихватить с собой кочергу. Матушка же обхватила руками колени и снарядила в поход собственные мысли.

⁶ К сожалению, ни одно из этих слов не имеет печатных эквивалентов.

В доме было пусто. Матушка прощупывала крошечные, юркие умишки домовых мышек, неотесанные черепа козочек, что коротали ночные часы в своем праздном метеоризме. Сова, вылетев на промысел и нырнув за гребень крыши, пронеслась комком хищной остервенелости.

Удвоив усилия, матушка слышала стрекот насекомых, засевших в соломенной кровле, и шебуршащего в поленнице древесного жучка. Ничего интригующего.

Матушка свернулась калачиком и продолжила изыскания в окрестных лесах. Там царила полнейшая тишина, если не считать глухих шлепков изредка падающих с ветвей снежных комьев. Однако даже посреди зимы жизнь в лесу не прерывалась, умещаясь, правда, в рамках спячки в берлогах или дремы внутри древесных стволов.

Матушка по-прежнему не находила отклонения от нормы. Пришлось перенестись еще дальше, в высокогорные торфяные пустоши, к льдистым потайным тропкам, тихонько поскрипывающим под лапами голодных волков с заматеревшим сознанием. Еще выше, в занесенных снегом ущельях, жизнь присутствовала разве что в ипостаси дурностаев.

Итак, все в этом мире шло своим ходом – за исключением всего остального, что решительно шло наперекосяк. Ибо появилось нечто – да, нечто ожившее, нечто юное и вместе с тем древнее...

Матушка еще раз примерилась к новому ощущению. Ошибки быть не могло. Дух ее внимал чему-то неприкаянному, безутешному, покинутому... И...

Матушка всегда знала, что простота чувств – это химера. Стоит смахнуть верхние напластования, как под ними тотчас обнаружится неприглядная изнанка.

И то, что она чувствовала, при всей своей неприкаянности и безутешности вскоре начнет злобно щериться...

Но все же самый источник этих эмоций она никак не могла распознать. А ведь при желании она чуяла наилегчайшие колебания в головах куколок, что дремлют под покровами мерзлого листовенного перегноя, способна была засечь передвижения земляных червей, удалившихся в незастуженные слои земли. Иногда ей даже удавалось засечь людей, что по праву считалось наисложнейшей из задач, поскольку в мозге человека мыслей теснится куда больше, чем у животных, тогда как с возрастанием количества мыслей уменьшается вероятность точного определения их источника. Такие операции можно уподобить вбиванию гвоздя в стену тумана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.